

СОФИ КИНСЕЛЛА

Я — ТВОЙ ДОЛЖНИК

«Это та самая Софи Кинселла,
которой мне так не хватало!
Уморительно смешной роман,
от которого невозможно оторваться!»

[GoodReads.com](https://www.goodreads.com)

Софи Кинселла

Я – твой должник

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Кинселла С.

Я – твой должник / С. Кинселла — «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-103081-0

Фикси – большая любительница все привести в порядок. Все, кроме собственной жизни. Ее маленький бизнес прогорел несколько лет назад, когда первые же клиенты не заплатили по счетам. Уже много лет она безответно влюблена в ослепительного Райана, друга ее брата, который как раз вернулся в Лондон, приведя ее в полное смятение. К тому же Фикси никак не сладит с собственной семьей. Все меняет мимолетная встреча и, казалось бы, пустяковое одолжение незнакомцу. Шутливая долговая расписка на картонном держателе для кофе вдруг запускает череду событий, которую никак нельзя было предугадать. Так кто же окажется должником в финале?

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-103081-0

© Кинселла С., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	17
Глава четвертая	26
Глава пятая	31
Глава шестая	40
Глава седьмая	45
Глава восьмая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Софи Кинселла

Я – твой должник

Sophie Kinsella
I OWE YOU ONE

© Селиверстова Д., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Моему другу и редактору Джой Терекиев

Глава первая

У меня есть пунктик: я не могу просто взять и забить на что-то. Меня это раздражает. Есть проблема – ее надо пофиксить, прямо здесь и сейчас. У меня даже прозвище такое – Фикси.

В чем-то это даже хорошо. Вот, например, на свадьбе Ханны, моей лучшей подруги. Прихожу и вижу: на половине столов нет цветов. Я это разрулила до прихода остальных гостей. Ханна меня еще потом поблагодарила в своей речи. И все получилось прекрасно.

А иногда наоборот. Однажды я смахнула клочок пуха с ноги женщины, сидевшей в соседнем шезлонге на спа-процедурах. Я хотела как лучше. А оказалось, что у нее просто на бедрах волосы растут. И я только ухудшила дело, воскликнув:

– Ох, простите, я думала, это клочок пуха!

Та вся побагровела, и еще две женщины тут же на нас уставились...

Теперь-то я понимаю: лучше мне было вообще промолчать.

Словом, есть у меня такой пунктик. Бзик. Раздражает меня всякий беспорядок. И прямо сейчас он заключается в банке от колы. Ее поставили на верхней полке в нашем магазине, в отделе товаров для отдыха. Прямо напротив шахмат, и на них теперь бурое пятно. Видно, открыли банку рывком, так, что все расплескалось, и не вытерли. Чьих рук дело?

Прищурившись, я оглядываю магазин. На подозрении Грег, старший помощник. У него вечно при себе какое-нибудь пойло. Если не в жестянке, то в термкружке с камуфляжным узором – словно он в армии, а не в Эктоне, в магазине товаров для дома. Он вечно оставляет свои посудины где попало, а иногда и вовсе сует их покупателям в руки: «Подержите, пока я вон ту кастрюлю достану». Сколько раз ему твердила: «Не надо так делать!»

Ладно. Сейчас не до упреков. Кто бы ни пролил колу (Грег, поклясться готова, Грег!), важно, что от нее осталось пятно, а к нам вот-вот нагрянут важные гости.

Да, знаю, что шкаф высокий. Знаю, что пятно в глаза не бросается. И многие даже внимания не обратили бы. Сказали бы: «Тоже мне проблема, есть дела поважнее».

Со мной этот номер не пройдет.

Изю всех сил стараюсь не смотреть на пятно, оглядываю сверкающий чистотой зал. Немного загромождено, конечно, но в семейных магазинах всегда так (наш с 1985 года, как на витрине написано). У нас есть все: от столовых ножей до фартуков и подсвечников, и это изобилие надо куда-то рассовывать.

Замечаю человека в водонепроницаемом плаще; он стоит в отделе товаров для кухни. Он тянется трясущейся рукой к простенькой белой кружке, и я торопливо протягиваю ее ему.

– Вот, пожалуйста, – говорю я, дружелюбно улыбаясь. – Могу отнести ее на кассу. Показать какие-нибудь другие кружки? Или вам нужно что-нибудь еще?

– Нет, спасибо, дорогая, – говорит он дрожащим голосом. – Мне нужна только кружка.

– Белый – ваш любимый цвет? – мягко наседаю я. Купить всего одну примитивную белую кружку – это так дико, что мне просто не выдержать.

– Пожалуй... – Он с сомнением оглядывает полки. – Мне еще нравится коричневый.

– Вот такой? – Я беру коричневую глиняную чашку, к которой гость, наверное, и не присматривался, настолько далеко она стояла. Прочная, с красивой ручкой. С такой в самый раз сидеть возле камина.

У гостя вспыхивают глаза. Так я и знала! Если живешь затворником, даже выбор кружки может иметь огромное значение.

– Она немного дороже, – говорю я. – Четыре фунта девяносто девять. Пойдет?

Потому что ничто не дается даром. И не нужно брать на себя лишнее. Так папа учил.

Я осторожно веду покупателя по проходу, следя за опасными углами. Это не от великодушия: знаю я мастеров все сшибать на пол. С ходу таких вычисляю. Трясущиеся руки, блуждающий взгляд, разболтанная сумка на колесиках – классические признаки. Осколки битой посуды по всему полу – это последнее, что нужно именно сейчас, когда к Джейку вот-вот придут посетители.

Я радостно улыбаюсь незнакомцу, стараясь ничем не выдать своих чувств, хотя при одной мысли о Джейке у меня все сжимается внутри. Всегда так. Стоит мысленно произнести: «Джейк» – и на тебе. Я даже привыкла, хотя до сих пор не уверена, что это нормально. Понятия не имею, как другие воспринимают своих братьев. У моей лучшей подруги Ханны их нет, а первого встречного ведь не спросишь, правда? «Как вы к братьям-сестрам относитесь? Психуете, иглы топорщитесь?» С моим братцем дело именно так и обстоит. Из-за Николь я не психую, но вечно ошетиниваюсь, как перед дракой.

Словом, ни с кем из них я не чувствую себя хорошо.

Может, дело в том, что они оба старше и мне трудно тягаться с ними. Когда я, одиннадцатилетняя, только перешла в среднюю школу, Джейку исполнилось шестнадцать, и он считался звездой футбольной команды. Николь в пятнадцать отличалась изумительной красотой, и ее приглашали в модельный бизнес. Все в школе хотели с ней дружить. Меня благоговейно спрашивали: «Как, Джейк Фарр – твой брат?! Николь Фарр – твоя сестра?!»

Николь уже тогда предпочитала просто плыть по течению, но Джейк – совсем другое дело. Собранный. С горящим взором. Вспыльчивый. Никогда не забуду, как он повздорил с мамой, а потом пинал по всей улице консервную банку и ругался на чем свет стоит. Я следила за ним сверху из окна, замороженная и слегка напуганная. Сейчас мне двадцать семь, но ведь в каждом из нас живет одиннадцатилетка.

Конечно, есть и другие причины напрягаться из-за Джейка. Материальные. Финансовые.

И о них я сейчас думать не стану. Вместо этого я улыбаюсь покупателю: пускай думает, что в моем распоряжении целая вечность. Папа поступил бы так же.

Морэг пробивает сумму, и старичок вытаскивает потрепанный кожаный кошелек для мелочи.

– Пятьдесят... – Он шурится, разглядывая монету. – Это ведь пятьдесят пенсов?

– Давайте я посмотрю, – успокаивающим голосом произносит Морэг. Она с нами уже семь лет. Сначала была постоянной покупательницей, а потом заметила объявление о найме. Теперь она помощник управляющего и занимается поставками поздравительных открыток – глаз у нее наметанный.

– Нет, это десять пенсов, – мягко говорит она. – У вас есть еще фунтовая монета?

Мой взгляд притягивается к банке из-под колы и к шахматам. «Не имеет значения», – твержу я себе. Сейчас есть дела поважнее. И посетители ничего не заметят. Они придут, чтобы оливковое масло показывать, а не для проверок. Успокойся, Фикси.

Угомонись.

О господи, не могу! У меня сейчас крыша съедет.

Мой взгляд так и притягивает к банке. Пальцы выбивают дробь, как обычно, когда мне не терпится что-то привести в порядок, и вообще, когда я лезу на стенку из-за чего бы то ни было. И на месте не стоит: шаг вперед, наискось, назад, шаг вперед...

Такое у меня с детства. Это выше моих сил. Я знаю, что будет чистым сумасшествием приволочь ведро, лестницу и отмывать это пятно сейчас, когда вот-вот нагрянут гости. Знаю!

– Грег!

И едва Грег появляется из отдела посуды, вопль вырывается сам собой:

– Принеси лестницу, срочно! Надо отмыть то пятно!

Грег смотрит туда, куда я указываю, и подскакивает при виде банки.

– Это не я! – виновато восклицает он. – Точно не я.

И помолчав, добавляет:

– То есть если я, то не заметил...

Чего у Грегга не отнимешь, так это того, что работает он на совесть и ему поневоле многое прощаешь.

– Неважно, кто, – отмахиваюсь я. – Надо это убрать, быстро.

– Ну да... – Грегг обмозговывает услышанное. – Хорошо. А разве к нам сейчас не придут?

– Придут, потому и надо убрать как можно быстрее.

– Ладно, – говорит Грегг, не шевельнув пальцем. – Понял. А где Джейк?

Очень хороший вопрос. Джейку первому принимать этих оливково-масляных. Видимо, в баре. Именно он устроил встречу. И его тут нет.

Но из верности семье вслух я ничего этого не говорю. Для меня это важно. Может, важнее всего остального. Некоторые люди вверяют себя Господу Богу, ну а папа мой, умирая, повторял со своим ист-эндским акцентом: «Семья, Фикси. От нее мы зависим. Семья – это все».

Верность семье – наша религия.

– С Джейком всегда так, – ворчит Грегг. – Никогда не знаешь, когда он объявится. На него нельзя положиться. А нас еще мало сегодня, раз твоя мама взяла выходной.

Может, все это и справедливо, но в голове у меня папин голос: «Семья в первую очередь, Фикси. Всегда защищай семью на людях. Между собой потом разберетесь».

– Свои часы он отработывает, – напоминаю я Греггу. – Все согласовано.

В магазине работают все Фарры: мама, я, Джейк и моя сестра Николь, но только мы с мамой пашем полный день. Джейк именует себя нашим «консультантом». У него свой бизнес, он магистр делового администрирования и здесь бывает набегам. А Николь занимается йогой с понедельника по пятницу и сюда может приходить только по выходным. Что иногда и делает.

– Они, наверное, уже на подходе, – бросаю я. – Давай сюда лестницу поскорее!

Пока Грегг волочит стремянку, я заскакиваю в подсобку и быстро набираю в ведро горячей воды. Надо только взлететь по ступенькам, смыть пятно, забрать банку, спуститься и убрать все до прихода гостей. Пара пустяков.

Отдел товаров для отдыха не очень удобный, все втиснуто между кухонными полотенцами и банками для варенья. Но так все устроил папа, и мы никогда ничего не меняем. Он очень любил настольные игры. Они, говорил, так же важны в хозяйстве, как ложки. Люди приходили к нам за чайником, а уходили еще и с «Монополией».

И со дня его смерти девять лет назад мы старались сохранить магазин таким, каким папа его создал. Мы по-прежнему продаем лакричные палочки. У нас есть скобяные товары. А в отделе для отдыха полно игр, мячей и водяных ружей.

Папин талант заключался в том, что он мог продать что угодно и кому угодно. Он умел очаровывать. Но очаровывать искренне, а не жульничать, вешая на уши лапшу. Он верил в каждый продукт, который продавал. Он хотел приносить людям счастье. Он создал маленький мирок в уголке Западного Лондона (себя, уроженца Ист-Энда, папа всегда называл эмигрантом), и его детище живет до сих пор. Пусть даже тех посетителей, которые знали папу лично, из года в год становится все меньше.

– Ладно, – бормочу я, торопясь с ведром обратно в зал. – Это всего секундочка!

Я взбираюсь по стремянке и принимаюсь за бурое пятно. Внизу Морэг показывает покупателю нож для чистки овощей: как хочется присоединиться к беседе! В ножах я толк знаю, курсы шеф-поваров проходила! Но нельзя быть всюду одновременно, и...

– Приехали! – возвещает Грегг. – Паркуются.

Джейк настоял на том, чтобы мы зарезервировали место для этих оливковых. Они его спрашивали: «У вас есть где припарковаться?», а ему гордость не позволила сказать, что место только одно. Он и заявил на голубом глазу: «Да, конечно!», как будто у нас целый подземный гараж в хозяйстве.

– Пустяки, – выдыхаю я. – Готово. Все в порядке.

Я швыряю тряпку в ведро и начинаю спускаться, держа в руке банку от колы. Пожалуйста! Времени заняло почти ничего, и меня теперь ничто не будет тревожить, и...

– Осторожней со стремянкой!

Я слышу Грега, но он вечно изводит нас всякими советами по здоровью и технике безопасности, вычитанными в Интернете. И я продолжаю спускаться как ни в чем не бывало, пока он не орет с неподдельным испугом:

– Стой!

– Фикси! – вопит Стейси из-за кассы (еще одна из наших ассистентов, и ее пронзительный гундосый голос ни с чем не перепутаешь). – Берегись!

Я разворачиваюсь и сразу понимаю, что натворила. Я зацепила рукавом кольцо для нет-бола, к которому прикреплена целая кадка с резиновыми мячиками. И теперь она балансирует на краю шкафа, и я уже ничего не могу поделать... Вот черт!

– О господи!

Я вскидываю свободную руку, загораживаясь от обрушившейся лавины резиновых мячей. Они барабают по голове, по плечам, разлетаются по всему магазину. Откуда их столько взялось?!

Спустившись со стремянки, я с ужасом смотрю по сторонам. Каким-то чудом ничего не разбилось. Но весь пол покрыт ковром из резиновых мячиков.

– Быстро! – командую я Грегу и Стейси. – Работаем всей командой! Подберите их! А я пока встречу гостей.

Я кидаюсь к дверям. Грег и Стейси похожи не на команду, а на что-то прямо противоположное. Они то и дело сталкиваются друг с другом и ругаются на чем свет стоит. Грег торопливо пихает мячики за пазуху и в карманы.

– В кадку их уברי! – ору я.

– Я даже не заметила этого пятна! – встревает Стейси, в обычной своей манере пожимая плечами, когда я прохожу мимо. – Надо было так оставить.

«И что толку теперь говорить?» – вертится на языке. Но я сдерживаюсь.

В первую очередь потому, что она хороший работник, лучше с ней отношения не портить. Просто надо приноровиться к тому, что мы с мамой называем ПМС: Проблематичные Моменты Стейси.

А главная причина, почему я молчу, – это то, что Стейси права. Надо было так и оставить. Но я не могу ничего не пофиксировать, вот в чем беда. Натура у меня такая.

Глава вторая

Гости навороченные. Следовало ожидать. Мой брат Джейк любит тусоваться в крутых компаниях. Амбиций у него хватало с детства. Началось все с футбольной команды. А потом, ближе к двадцатнику, его потянуло к богатым. И внезапно оказалось, что все-то его не устраивает: ни наш дом, ни то, как мы проводим каникулы, и дошло до того, что он наехал на папин акцент. Тогда разразился очередной скандал. Мама крепко психанула, и крик стоял такой, что я слышала его на другом этаже.

Года три назад, до того, как открыть собственное дело, Джейк работал в Фулхеме агентом по недвижимости, и страсть к внешнему лоску захватила его еще сильнее. Ему нравится компания парней в парадных туфлях, с прилизанными прическами и вальжной манерой речи. Словом, он бесится из-за того, что родился не в Челси. Из-за того, что по телевизору его не показывают, и с королевской семьей он не ужинает, и отпуск у него не шесть раз в году. Но по крайней мере, он может торчать в пабах на Кингс-Роуд с типами, которых зовут Руперт.

Судя по рубашкам поло, туфлям на каучуковой подошве и загару, двое, вылезшие из «Рендж Ровера», как раз из подобных тусовок. Меня такие немного бесят, но я командую себе: «Выше голову, Фикси!» – и выхожу им навстречу. Один оглядывает магазин с критической гримасой, и я мигом напрягаюсь. Допустим, фасад не из самых красивых – здание еще семидесятых годов. Но стекла сверкают, а экспозиция кухонной утвари смотрится отлично. Для магазина на центральной улице у нас достаточно большое помещение, и мы толково им распоряжаемся. Несколько демонстрационных столов, три ряда, и все в работе.

– Привет! – здороваются тот, что повыше ростом. – Я – Клайв Бересфорд. А вы Фелисити?

Многие слышат «Фикси» и думают, что это «Фелисити». Я уже привыкла.

– Фикси, – улыбаюсь я и пожимаю его руку. – Добро пожаловать к Фаррам!

– Саймон. – Второй парень, вытаскивающий из «Рендж Ровера» увесистый ящик, поднимает руку. – Вот мы вас и нашли. Хорошее место.

– Да, – киваю я. – Нам повезло.

– Но это же вроде не Ноттинг-Хилл?

– Ноттинг-Хилл? – я сбита с толку.

– Джейк говорил, у вас семейный бизнес в Ноттинг-Хилле.

Я стискиваю зубы. Джейк в своем репертуаре. Конечно, наплел, будто мы в Ноттинг-Хилле. Может, еще рассказал, что сюда Хью Грант заходит.

– Нет, мы в Эктоне, – учтиво говорю я.

– Но вы же собираетесь расширяться до Ноттинг-Хилла? – не отстает Крис, заходя в магазин. – Нам так ваш брат сказал.

Расширяться до Ноттинг-Хилла? Бред. Я понимаю, что Джейк просто пускал пыль в глаза парням из бара. Но в ушах стоит папин голос: «Семья в первую очередь, Фикси».

– Может быть, – любезно говорю я. – Кто знает.

Я завожу их в магазин и обвожу широким жестом кастрюли, пластиковые контейнеры и скатерти.

– Ну, вот и мы.

Наступает непродолжительная пауза. Я чувствую: это совсем не то, чего они ожидали. Саймон таращится на шеренгу банок от «Килнер». Клайв выходит вперед на несколько шагов и с любопытством разглядывает «Монополию». И красный резиновый мячик падает ему на голову.

– Ой! – Он смотрит вверх. – Какого...

– Извините! – быстро говорю я. – Не представляю, как такое произошло.

Черт. Наверняка где-нибудь еще шальные мячи катаются.

– Так вы хотите превратиться в гастроном уровнем повыше? – У Саймона озадаченный вид. – А у вас вообще есть продукты?

Я снова ошетиливаюсь. Не знаю, что им наплел Джейк, но моей вины тут точно нет.

– Разумеется, – киваю я. – Масло, уксус, специи, все такое. Вы можете поставить свой ящик.

– Прекрасно! – Он бухает ящик на сундук, где мы заранее расчистили место. Обычно такие вещи делаются в подсобке, но сейчас там все забито нераспакованными ароматическими свечами. – Что ж, давайте я покажу, чем мы занимаемся. Мы производим линию оливковых масел особого сорта.

Слова «особого сорта» произносятся подчеркнуто напыщенно.

– Можете попробовать.

Они извлекают на свет большие бутылки в деревянной упаковке. Саймон проворно расставляет соусницы, а Клайв достает заранее нарезанный хлеб.

Он распинаясь об оливковых плантациях в Италии, но я его не слушаю: я в ужасе смотрю на Грега. Он как раз показался в поле зрения, и карманы у него все еще набиты резиновыми мячиками. Передняя часть брюк оттопыривается и вообще выглядит очень... странно. Господи, почему он от них не избавился?

Я яростно вытаращиваю глаза, пытаюсь сказать: «Почему у тебя до сих пор мячики в карманах?» Грег немедленно вытаращивается в ответ, как бы говоря: «Значит, причина есть!»

Ни на грош не верю. Грег действует из лучших побуждений, это бесспорно. Только логика у него слегка хромает. Он вроде компьютера на последнем издыхании: работает себе превосходно, а потом вдруг берет да засылает всю твою почту куда-нибудь в Венесуэлу.

– Хотите попробовать?

Я спохватываюсь, что Клайв уже закончил свои приготовления и протягивает мне кусочек хлеба и масло.

Пробуя масло, я думаю, что это очень похоже на Джейка: назначить встречу именно тогда, когда мамы в магазине не будет. Он всерьез надеется укрыться от ее всевидящего ока? Думает, она ничего не узнает? Мама замечает все. Каждую покупку, каждый возврат, каждое письмо. Все.

Тут я замечаю, что оба парня в модных прикидах подозрительно косятся на оттопыренную молнию штанов Грега. Я это им не в упрек, зрелище действительно странное.

– Извините Грега за необычный вид, – говорю я с непринужденным смешком. – Он обычно так не ходит. Просто...

– Гормональное расстройство, – бесстрастно кивнув, прерывает меня Грег, и я едва не давлюсь хлебом. Что он несет? Какое еще расстройство?

– Ужасное, – выразительно добавляет он.

Я к выходкам Грега привыкла, но иногда даже у меня нет слов.

– Даже забавно, – продолжает Грег, вдохновленный всеобщим вниманием. – Мой брат родился всего с половиной поджелудочной железы. А у матери пренеприятнейшая история с почками...

– Спасибо, Грег! – в отчаянии перебиваю я. – Спасибо за... за...

Оба крутых парня заинтригованы еще больше, и Грег бросает на меня самодовольный взгляд, яснее слов говорящий: «Видела, как я спас положение?»

В сотый раз я задумываюсь, не отправить ли Грега на курсы. Курсы «как не быть Грегом».

– В любом случае, – опережаю я его, – оливковое масло замечательное.

Говорю это не из вежливости: чистая правда. Масла насыщенные, ароматные, с приятным вкусом, особенно темно-зеленое, с перчинкой.

– Какая у них розничная цена?

– Вот прайс-лист.

И Саймон протягивает мне бумагу. Я смотрю на цены – и чуть не падаю. Обычно я в таких ситуациях держусь как камень, но сейчас у меня вырывается только сдавленный хрип:

– Девяносто пять фунтов?

– Конечно, это дорогостоящий высококачественный продукт, – невозмутимо заявляет Клайв. – Как мы уже объясняли, это целая плантация, и сам процесс уникален...

– Да кто же выложит девяносто пять фунтов за бутылку масла! – Я готова рассмеяться. – Только не в этом магазине, простите.

– Но когда вы откроетесь в Ноттинг-Хилле? – подает голос Саймон. – Это совсем другой рынок. Кстати, нам кажется, что «Ноттинг-Хилл: семейные деликатесы» – отличное название.

Я пытаюсь взять себя в руки. Что? Наш магазин называется «Фаррз». Такое имя ему дал папа, Майкл Фарр, и никаких других названий не будет!

– Такое масло есть у нас на складе, – неожиданно говорит Грег. Он ставит бутылку на стол и окидывает парней цепким взглядом серых глаз. – Стоит пять девяносто девять. Это так, к слову.

– Ну да, – после паузы говорит Саймон. – Но это, конечно, совсем другой продукт. Не хочу показаться невежливым, но если у вас есть вкус, вы, разумеется, заметите разницу с дешевым сортом. Позволите?

Я отмечаю, как ловко он окучивает Грегa. Он наливает порцию нашего масла за пять девяносто девять и окунает туда кусочки хлеба. Попробовав, я понимаю, в чем дело. Наше масло на вкус менее насыщенное.

Но надо знать своих покупателей. Понимать их возможности. Я как раз собираюсь втолковать Саймону, что наши клиенты – люди практичные и ни за что на свете не отвалят таких денег за масло, и тут дверь открывается, и заявляется Джейк.

Он впечатляет. Как всегда. У него отцовская твердая челюсть, и блеск в глазах тоже от папы, и он действительно хорошо одет. Стильный агент по недвижимости. Темно-синий пиджак, галстук, лакированные дорогие туфли. Запонки.

И при виде него у меня внутри, как обычно, что-то сжимается, словно надо мной хлопает крыльями стая воронья. Недостойная. Виноватая. Мелкая. Никчемная.

Ничего нового. Большой братец вечно вызывает у меня такие чувства, а как же иначе? Так и должно быть, если я верю, что на первом месте всегда семья. И я преданно следую этому кредо, как бы это ни бывало больно.

И более всего то, что Джейк успешен, а я неудачница. Он занялся импортом-экспортом, не получив в поддержку ни пенни. Он нажился на бесшовных трусиках, сбавив их в магазин уцененных товаров. Это у него сверкающая машина, визитные карточки и деловое администрирование (ну, почти).

А я взяла заем у мамы («наше наследство», как выражается Джейк), попыталась заниматься кейтерингом и с треском провалилась. И до сих пор не вернула денег.

Меня не назовешь паршивой овцой. Это было бы гламурно и интригующе, но я просто тупая овца, которая до сих пор держит под кроватью зеленые фартуки с логотипом «Еда от Фарр» (все остальное я распродала, только от этих никак не избавлюсь). Оказываясь рядом с Джейком, я чувствую себя еще более глупой и тормознутой. Без шуток. Рта при нем не смею раскрыть, а если рискну, то заикаюсь.

У меня есть свои мнения, идеи. Действительно. Когда я сама – или с мамой – руковожу магазином, то могу отдавать указания. Я способна заявить о себе. Но при Джейке, а иногда и при Николь, я дважды подумаю, прежде чем открыть рот. Потому что в воздухе повиснет невысказанное: «Тебе откуда знать? Ты все дела провалила».

Единственный человек, кто держится так, словно ничего не случилось и я все еще что-то значу, – это мама. Не знаю, как бы я выдержала, если бы не она.

– Ребята! – приветствует Джейк своих гостей. – Вы уже здесь! Чао!

«Чао». Вот как он с ними общается. Мы воспитывались в одной семье, но мне в голову не придет загнуть такое.

– Джейк! – Клайв хлопает его по спине. – Дружище!

– И это ты называешь Ноттинг-Хиллом? – смеется Саймон, пожимая ему руку. – Это же хренов Эктон!

– Это лишь начало новой империи, – широко ухмыляется Джейк.

Он бросает в мою сторону быстрый взгляд, в котором явственно читается: «Надеюсь, ты меня не подставила».

Я отвечаю ему взглядом: «Что за «Ноттинг-Хилл: семейные деликатесы» такие?» Но теперь он меня в упор не видит.

Джейк частенько игнорирует меня при своих крутых друзьях. Может, опасается, что я поймаю его на вранье. Я этого никогда не делаю: семья на первом месте! – но всегда подмечаю, когда он передергивает. Рассказывает, например, про свою «школу грамоты» – на самом деле это был компьютер. Или упоминает «уголок на природе». Понятия не имею, о чем он – наверное, о нужнике в мамином саду.

– Так вот они, эти знаменитые масла! – восклицает Джейк. – Фантастико!

– Видел бы ты плантации! – с энтузиазмом подхватывает Саймон. – Закачаешься!

– Охотно бы взглянул, – с издевкой говорит Джейк. – Обожаю эти края.

Не припомню, чтобы Джейк хоть когда-нибудь бывал в Италии, но говорить об этом явно не стоит.

– Ты в курсе, что бутылка стоит девяносто пять фунтов? – подвожу я разговор к делу. – Вряд ли наши клиенты могут позволить себе такое.

Он раздраженно морщится, и я понимаю причину. Наши реальные, экономные покупатели Джейка не волнуют. Ему подавай выдуманных клиентов-миллионеров.

– Но если вы намерены расширяться, то вот что вам нужно. – Клайв похлопывает по бутылке. – Вкус феноменальный, ведь Фикси подтвердит?

– Вкус отменный, – говорю я. – Изысканный. Просто я... вы понимаете. Примут ли это наши покупатели?

Конечно, голос у меня срывается. Я задаю вопросы вместо того, чтобы констатировать факты. Так на меня действует присутствие Джейка. И я себя ненавижу за это: кажется, будто я в себе не уверена. А я уверена!

– Научатся принимать, – обрывает меня Джейк. – Будем проводить дегустации, всякие такие штуки...

Он поворачивается к Клайву и Саймону.

– Мы обязательно сделаем заказ, парни, вопрос только на сколько.

Меня охватывает паника. Мы не можем вот так с места в карьер делать заказы, особенно когда мамы рядом нет!

– Джейк, может, сначала обсудим? – отваживаюсь я.

– Нечего обсуждать, – огрызается он, и на лице у него написано: «Заткнись!»

О господи! Пускай воронье хлопает меня крыльями по лицу, надо держаться. Ради мамы.

– Я только... – Голос опять дрожит, и я откашливаюсь. – Наши покупатели приходят сюда за товарами по разумной цене. Роскошь им не нужна.

– Значит, будем их учить, – отрезает Джейк. – Образовывать. Приучать их рецепторы к более тонким вкусам.

Он хватает кусок хлеба, льет на него масло из бутылки за пять девяносто девять, и прежде чем кто-нибудь успеет сказать хоть слово, отправляет его в рот.

– Это же грандиозно, – мычит он с набитым ртом. – Совсем другой уровень! Такое богатство оттенков! Ты просто вкушаешь качество! Парни! Что я могу сказать! Мои поздравления! Я впечатлен.

Он протягивает руку, но ни Саймон, ни Клайв ее не жмут. Они так потрясены, что и шевельнуться не могут.

– Которое это было? – спрашивает Джейк, наконец дожевав. – Самое дорогое?

Тишина. Я не могу поднять глаза. Меня просто скручивает от стыда за Джейка.

Но чего у крутых ребят не отнять – манеры у них безупречные. Клайв, не поведя бровью, спасает ситуацию.

– Я не помню, которое это? – наморщив лоб, он смотрит на Саймона.

– Я тоже не уверен, – подхватывает тот. – Соусницы переставляли, вот и...

– Это мы виноваты: слишком много принесли.

– Именно, – вторит Саймон. – Вкус уже смешивается.

Они так великодушны к ничего не подозревавшему Джейку, что мне очень хочется сказать им: «Спасибо вам, крутые парни. Спасибо, что так добры к моему брату, до которого все еще не дошло».

Но я, конечно, молчу. Саймон и Клайв переглядываются и тактично решают замять ситуацию. Мы улыбаемся и мило болтаем, пока они пакуют свои причиндалы, и договариваемся держать связь.

Как только они отъезжают от магазина, мы с Джейком набираем побольше воздуха в грудь – и он успевает первым.

– Отлично, Фикси! – раздраженно восклицает он. – Ты их спугнула. Просто молодец!

– Джейк, мне очень жаль... – Какого черта я извиняюсь?! Что за дурацкая привычка? – Но... но я правда думаю...

– Да знаю я, что ты думаешь, – перебивает он. – Но это я разрабатываю стратегии для развития магазина. Чтобы он был больше. Лучше. Качественнее. Прибыльнее.

– Да, но девяносто пять фунтов за бутылку! – взываю я. – Ты шутишь?

– Почему? – огрызается он. – В «Харродз» же такое есть!

Даже не знаю, что ему на это ответить. «Харродз»?

Я замечаю, что Грег поглядывает в нашу сторону, и торопливо изображаю улыбку. Папа бы убил за семейные разборки посреди магазина.

– Джейки?

Я оборачиваюсь и вижу, что в магазин входит Лейла, подружка Джейка, в прелестном желтом платье с летящей юбкой и с солнечными очками на голове. Она похожа на Бемби. Узкие сандалии на ее длинных ногах постукивают, словно копытца, и она смотрит на мир из-под длинных ресниц, словно опасается: а вдруг ее кто-то подстрелит? Она такая милая, и мне совершенно не хочется препираться при ней с Джейком.

Не только потому, что она милая, но и потому, что семья превыше всего. Лейла – не член семьи. По крайней мере, пока. Они с Джейком познакомились в клубе, встречаются три года, и я ни разу не видела, чтобы они спорили. Лейла вообще не из любителей выяснять отношения, но ведь хоть раз она на Джейка срывалась? Если и да, то она никогда об этом не рассказывала. Больше того, однажды она заявила: «Джейк такая душечка!» Я чуть не упала. Это Джейк-то душечка?

– Привет, Лейла! – Я чмокаю ее в щечку. Она тоненькая и миниатюрная, как ребенок – и как она ухитряется таскать эти большие глянцевого цвета сумки? – За покупками ходила?

– Надо же баловать женушку, – высокомерно говорит Джейк. – Для мамы мы тоже купили подарок.

Джейк всегда называет Лейлу женушкой, хотя они даже не помолвлены. Иногда я спрашиваю, приятно ли ей это, но Лейла, кажется, из тех, кому вообще все до лампочки. Однажды Джейк приехал в магазин на семейное совещание, и мы только через час спохватились, что он оставил Лейлу в машине – поручил отслеживать трафик на дорогах. Она и не думала злиться –

уткнулась в мобильник и мурлыкала себе под нос. Когда мама завопила: «Джейк! Как ты мог оставить Лейлу вот так?», он пожал плечами и ответил: «Да она сама предложила».

Теперь Лейла помахивает передо мной пакетом от Кристиана Диора, и я ощущаю легкий укол. Мне такое для мамы не по карману. И все-таки... Товары из «Сэнкшьюри», которые я для нее покупаю в подарок, ей тоже нравятся. Сама мысль о маме меня успокаивает. Не надо ни о чем беспокоиться – мама со всем разберется. Потолкует с Джейком, как она умеет – твердо и спокойно. И не позволит ему закупать оливковое масло по сумасшедшим ценам.

Мама занимается семьей, домом, бизнесом... всем. Она наш генеральный директор. Наш якорь. Когда папа внезапно умер от сердечного приступа, в ней как будто что-то взорвалось. Вся негативная энергия обратилась в решимость не позволить горю разрушить ни семью, ни работу – ничего. Мама тянула нас последние девять лет, она умеет танцевать зумбу, и никто не готовит слоеное тесто лучше нее. Она потрясающая. Она утверждает, что папа присутствует во всем, что она делает, и они разговаривают каждую ночь. Может, и странно звучит, но я ей верю.

Обычно мама торчит в магазине от рассвета до заката. Сегодня ее здесь нет только потому, что у нее день рождения и она до вечера готовит угощение. Конечно, многие женщины в ее годы, да и вообще в любом возрасте, предпочли бы, чтобы кто-нибудь другой готовил для них в такой день. Но не мама. Второго августа она стряпает колбаски, вальдорфский салат, пироги с яблоками – и так сколько я себя помню. Это традиция. А мы традиции чтим, мы же Фарры.

– Кстати, я разобрался с тем счетом за ремонт твоей машины, – обращается Джейк к Лейле. – Я позвонил тому типу. «Ты, говорю, моей девушке голову морочишь. Давай-ка полегче». Он сразу на попятный пошел.

– Джейк! – восхищенно ахает Лейла. – Ты мой герой!

– И по-моему, эта модель устарела, – небрежно бросает Джейк. – Тебе нужна поновее. Посмотрим на выходных.

– О, Джейк! – сияющая Лейла поворачивается ко мне. – Какой же он лапочка!

– Да... – слабо улыбаюсь я. – Просто пупсик.

Тут к кассе подходят Морэг со своей покупательницей, женщиной средних лет. Джейк тотчас включает режим качественного обслуживания клиентов.

– Вы нашли все, что искали? А, нож для овощей! Простите, я вынужден задать деликатный вопрос: вам есть восемнадцать?

Покупательница хихикает и краснеет, и даже я выдавливаю улыбку. Джейк умеет быть обаятельным, когда хочет. Мы вежливо прощаемся с клиенткой, твердим «до свидания», пока за ней не закрывается дверь. Потом Джейк достает ключи от автомобиля и крутит их на пальце – этой привычкой он обзавелся вместе с машиной.

Я знаю, что хочу ему сказать. Слова прямо роятся передо мной, как в комиксах. Крепкие, от души, слова о бизнесе. О том, чем мы занимаемся. О папе. Но эти слова так и звучат только в мыслях.

У Джейка задумчивый вид, и я знаю, что его лучше не прерывать. Лейла тоже терпеливо ждет, сложив брови домиком.

Она такая хорошенькая, эта Лейла. Красивая, мягкая, никогда никого не критикует. Серьезнее всего на свете она относится к маникюру: это у нее и бизнес, и страсть. Но на мои неухоженные ногти она даже не косится, не то что не высмеивает. Она принимает всех такими, какие они есть, в том числе и Джейка.

Наконец Джейк перестает болтать ключами. Понятия не имею, что он надумал. Мы росли вместе, но я до сих пор не знаю, что творится у него в голове.

– Тогда мы, пожалуй, домой, – изрекает он. – Поможем маме.

Знаю я его помощь. Возьмет пиво и усядется за спортивный канал. Но я ему не перечу.

– Конечно, – говорю я. – Увидимся.

Наш дом в десяти минутах ходу от магазина: иногда кажется, будто один плавно перетекает в другой. Я поправляю покосившуюся стопку скатертей, и тут Лейла спрашивает:

– Что ты наденешь, Фикси?

Голос у нее взволнованный, словно мы на выпускной собрались.

– Не знаю. – Я сбита с толку. – Платье, наверное. Ничего особенного.

Это мамин день рождения. Придут друзья, соседи и дядя Нед. В смысле, я принаряжусь, конечно, но это же не прием в посольстве.

– Да, конечно... – Лейла растеряна. – Так ты не собираешься...

– Что?

– Я просто подумала, потому что...

Лейла многозначительно умолкает, словно я должна догадаться, к чему она клонит.

– Почему? – Я смотрю на нее в недоумении, и она резко разворачивается к Джейку на своих острых каблучках.

– Джейки, – тянет она с легким укором, в котором по-прежнему звучат нотки обожания. – Ты ей не сказал?

– Ах да! – Джейк закатывает глаза и поворачивается ко мне. – Райан вернулся.

Что?

Я смотрю на него, оцепенев. Говорить не могу – легкие словно сдавило, но мозг работает, как компьютерная программа, анализируя слово «вернулся». Что значит вернулся? Куда? В Англию? Домой? Ко мне?

Нет, явно не ко мне.

– Вернулся в страну, – уточняет Лейла, и ее кроткие глаза полны сочувствия. – У него ничего не вышло с той американкой. Он будет на празднике. И он спрашивал про тебя.

Глава третья

Не знаю, сколько раз положено разбиваться сердцам, но с моим это происходит регулярно, и причина – Райан Чокер.

Сам он не в курсе этого. Я очень хорошо умею скрывать свои чувства (по крайней мере, я так считаю). Но дело обстоит так, что я твердо и прочно влюблена в Райана с тех пор, как мне было десять, а ему – пятнадцать и я увидела его среди приятелей Джейка в «Бургер-Кинге». Меня на нем заклонило. А как иначе – с его-то белокурыми волосами, чеканным профилем и прочим великолепием!

Когда я перешла в среднюю школу, Райан и Джейк стали лучшими друзьями. Райан околачивался у нас каждые выходные, отмачивая шуточки и заигрывая с мамой. В отличие от остальных мальчишек его возраста, у него была безупречная кожа. Он умел укладывать волосы. На нем даже школьная форма смотрелась сексуально – так он был горяч.

И деньги у него водились. Об этом все шушукались. Кто-то из родственников оставил ему небольшое состояние. Он вечно устраивал вечеринки, и на семнадцатилетие получил автомобиль. С откидным верхом. Мне двадцать семь, и я уверена, что у меня такого не будет. Райан и Джейк колесили по Лондону в открытой тачке, с гремющей музыкой, словно рок-звезды. В сущности, это Райан ввел Джейка в этот крутой, навороченный, блестящий мир элиты. Они ходили по клубам, которые попадают в таблоиды, а потом хвастали целый день. Когда я подросла, мама иногда стала отпускать меня с ними: у меня было такое чувство, словно я выиграла в лотерею. Они купались в лучах славы, и часть ее перепала мне.

Еще Райан по-настоящему добрый. Навсегда запомню вечер, когда мы пошли в кино. Я как раз поссорилась с мальчиком по имени Джейсон, а за нами сидела компания его приятелей. Они принялись насмеяться надо мной, и тут Райан молниеносно развернулся и налетел на них. На следующий день вся школа шепталась: «Райан любит Фикси!»

Я, конечно, смеялась. Отшучивалась. Но сама была сражена наповал. Казалось, что теперь мы связаны друг с другом. И все время думала: «Мы же будем вместе? Так ведь и должно быть?»

В последующие годы мне не раз казалось, что у меня есть шанс. В «Пицца-Экспрессе», когда он чмокнул меня при встрече. Когда ущипнул за бедро. Спросил, есть ли у меня сейчас кто-нибудь. На папиных похоронах сидел со мной рядом и слушал, как я бесконечно говорю об отце. На мое совершеннолетие пел под караоке «Не хочу упускать ни мгновенья», глядя прямо на меня. Сердце мое трепыхалось, как ополоумевшая бабочка, и я твердила себе: «Вот же оно, вот!..», но Райан в тот вечер ушел с девушкой по имени Тамара. И следующие годы я только плакала, глядя, как он встречается, наверное, с каждой девушкой в Западном Лондоне, ни разу не оглянувшись на меня.

Пять лет назад он уехал в Лос-Анджелес, чтобы стать кинопродюсером. По-настоящему. Ничего более гламурного и недостижимого представить себе нельзя. До сих пор храню визитку, которую он мне оставил перед отъездом: абстрактный логотип и адрес на бульваре Уилшир.

Было бы легче забыть о Райане, если бы он исчез навсегда – так нет же. Он то и дело приезжал в Лондон и навещал Джейка, словно вспышкой озаряя собой все вокруг. Его волнистые белокурые волосы выгорели от постоянного пребывания на солнце. Он без конца рассказывал о знаменитостях. Бросал между делом «Том», и я задумывалась: какой еще Том? А когда доходило, что это он о Крузе, сердце екало: с ума сойти, я знакома с человеком, который лично знает Тома Круза!

С другими парнями я при этом, конечно, встречалась. Но в сердце прочно обосновался Райан. И в прошлом году, через шестнадцать лет после нашей первой встречи, он приехал на

день рождения Джейка, поддатый и несчастный. Подробностей я так и не вытянула, но в целом он жаловался на руководителя киностудии, который им помыкал.

Слушатель из меня хороший, и я сочувственно поддакивала, пока Райан честил того типа. Наконец он выдохся и молча смотрел на меня. Именно на меня. Словно только что признал во мне выросшую, повзрослевшую женщину. Он сказал: «Знаешь, Фикси, ты мне всегда нравилась. Ты такая естественная. Ты как глоток свежего воздуха». И выдал с удивленным видом: «И почему только мы не вместе?»

Сердце у меня колотилось, но я в кои-то веки сохранила спокойствие. Посмотрела на него, помолчала и произнесла: «Что же».

А Райан ответил своей ленивой улыбкой и повторил: «Что же».

Боже, это было волшебно. Мы ушли через пару минут. Он повел меня на квартиру, в которой останавливался, и там всю ночь напролет сбывались мои юношеские фантазии, и не только они. Весь мой разум вопил: «Это произошло! Мы с Райаном вместе! Это на самом деле!» Десять дней я прожила в восторженном трансе.

А потом он уехал обратно в Лос-Анджелес. В смысле, он и должен был уехать, чего я ожидала?

(На этот вопрос я не отвечу. Даже мысленно. Потому что выдам тем самым самую безнадёжную из своих фантазий: мы предназначены друг другу самой судьбой и теперь поймем это и больше никогда не расстанемся.)

Уезжая в аэропорт пасмурным апрельским утром, он поцеловал меня, кажется, с искренним сожалением и сказал: «С тобой было так хорошо, Фикси». Словно я диета из соков или цикл виртуальных лекций.

Я ответила настолько беззаботно, как только смогла: «Надеюсь, ты вернешься и снова ко мне придешь». И покривила душой. На самом деле я надеялась, что он закричит: «Как же я раньше не понял! Фикси, дорогая, я не могу жить без тебя, летим вместе, прямо на этом же самолете!»

Как ни странно, ничего подобного не случилось.

Потом я узнала от Джейка, что у Райана в Лос-Анджелесе девушка по имени Ариана и у них постоянные скандалы, но вообще все серьезно. Я заглядывала к ним на Фейсбук несколько раз (ну ладно, постоянно). Писала ему дружеские сообщения и удаляла их. И притворялась, что мне все равно. Перед мамой, Джейком, перед всеми. А что еще оставалось делать?

Но все это было ложью. Я так и не смирилась с тем, что его потеряла. И втайне сохраняла безумную надежду.

И вот он вернулся. Эти слова барабаном бьют у меня в голове: «вернулся, вернулся!», пока я торчу в галантерейном магазине, как одержимая примеряя заколки. Конечно, как будто выбор правильной безделушки для волос заставит Райана в меня влюбиться.

Я не могла пойти домой прямо из магазина.

А вдруг он уже там, развалился на диване и встретит меня своей неотразимой улыбкой? Мне нужно время. Нужно подготовиться. Значит, в пять. Я велела Грегу закрываться и отправилась на Хай-стрит. Купила новую помаду. А теперь торчу возле стенда и пытаюсь преобразиться до неузнаваемости с помощью блестящей бирюльки за три девяносто девять. А может, лучше взять цветок?

Бандану с блестками?

Конечно, я просто тяну время. У меня не укладывается в голове, что я вот-вот снова увижу Райана, и я закливаю на пустяках, которые никто и не заметит. Вечная история.

В конце концов я сгребая пару заколок с бисером, еще пару с блестяшками и золотые серьги-висюльки на удачу. Оплачиваю и выхожу на воздух. Мама сейчас, наверное, накрывает на стол. Достает бумажные стаканчики. Заворачивает в салфетки вилки и ножи. Но мне все равно нужно еще время. Надо привести мысли в порядок.

По наитию я отправляюсь в «Аллегро» – любимое кафе нашего семейства в округе. Покупаю упаковку кофейных зерен для мамы – они у нас быстро заканчиваются, а здесь, в «Аллегро», самые лучшие, – а потом беру чай с мятой и устраиваюсь у окошка. Я пытаюсь обдумать предстоящую встречу с Райаном. Как держаться. Казаться не трогательной и истосковавшейся, а соблазнительной и уверенной в себе.

Я со вздохом достаю из сумки заколки с бисером и прикладываю их к волосам, глядя в карманное зеркальце. Ничего соблазнительного и близко нет. Подношу к ушам сережки и морщусь. Тьфу, гадость. Лучше убрать.

Внезапно я замечаю, что парень, сидящий с ноутбуком напротив, следит за мной с легкой улыбкой, и тут же краснею. Чем я занимаюсь? Как мне взбрело такое в голову – примерять заколки в кофейне? Последние мозги растеряла.

Я убираю серьги и заколки в сумку, и тут на стол капает вода. Я поднимаю голову. Оказывается, с потолка все это время лило, просто попадало в ведро на полу.

Бариста как раз поблизости, приносит посетителю горячий сэндвич, и я окликаю ее прежде, чем она успевает уйти.

– У вас потолок протекает!

Она бросает быстрый взгляд вверх и пожимает плечами.

– Да. Мы ведро поставили.

– Но на стол тоже капает.

Присмотревшись, я замечаю, что потолок протекает в двух местах и на нем уже влажное пятно. И выглядит все это очень сомнительно. Я смотрю на парня напротив, но тот занят разговором по мобильнику.

– Да, – говорит он голосом, источающим образованность и хорошие манеры. – Я знаю, Билл, но...

Красивый костюм. Дорогие лакированные ботинки.

– Этажом выше делают ремонт. – Вид у бариста на удивление безмятежный. – Мы им уже позвонили. Можете пересесть, если хотите.

Я еще удивлялась, почему место за окном свободно, хотя народу полно. Оглядываюсь в поисках столика – все занято.

Ладно, я не из привередливых. Пару капель переживу. Все равно мне скоро уходить.

– Ничего страшного, – говорю я. – Просто хотела вас предупредить. Похоже, нужно еще одно ведро.

Бариста пожимает плечами с классическим видом «не мои проблемы» и возвращается к стойке.

– Богом клянусь! – неожиданно восклицает молодой человек напротив. Он отчаянно размахивает рукой.

Услышав «Богом клянусь!», я невольно улыбаюсь. Так папа говорил. Нечасто мне с тех пор доводилось это слышать.

– Знаешь что? – продолжает молодой человек. – Мне надоели эти умники из Кембриджа. Некоторое время он слушает, а потом продолжает:

– Найти кого-нибудь на низшую должность – не проблема. Да, легко. Но те, кого приводит Хлоя... Знаю. Надо полагать. Но они лезут ко мне со своими мудрыми теориями, надерганными в университете. А работать не хотят.

Он наклоняется, берет свою чашку и на мгновение встречается со мной взглядом. Я невольно улыбаюсь. Ему, конечно, неоткуда об этом знать, но я как будто снова слышу своего папу.

Хотя чисто внешне ничего общего. Папа – битый ветрами торговец. А этот парень – специалист лет тридцати с небольшим, в элегантном галстуке. Но я узнаю энергичные нотки,

прагматизм и нетерпимость к всезнайкам, поучающим окружающих. Времени на теории у папы тоже не было. «Иди и делай», – говорил он.

– Мне нужен кто-нибудь толковый, сообразительный, с опытом, – продолжает парень, запуская пальцы в волосы. – Кто-то, кто пожил в этом мире, а не накатал о нем диссертацию. Даже научной степени не надо! Мозги нужны, мозги!

Он стройный, подвижный, с загорелым лицом. Темно-каштановые волосы, слегка высветленные солнцем. Когда он снова тянется за своей чашкой, тени подчеркивают высокие, четко очерченные скулы. Глаза... Даже не определишь. Карие или ореховые, гадаю я, суеверно приглядываясь к нему. Но в блике света замечаю зеленый оттенок. Лесные глаза.

Есть у меня такая привычка – давать определения глазам. Мои – двойной эспрессо. У Райана – калифорнийское небо. У мамы – морская глубь. А у этого парня – лесная чаща.

– Знаю, – говорит он уже спокойнее: видимо, выпустил пар. – Мы с Хлоей встретимся еще раз на следующей неделе. Кажется, она очень этого ждет.

На его губах появляется заразительная улыбка.

Он умеет смеяться над собой. Это уже непохоже на папу, который при всей своей мягкости и добросердечии шуток над собой не понимал. Ему никогда нельзя было дарить на день рождения смешные открытки. Он бы расстроился или обиделся.

– А, это... – Парень передвигается на стуле. – Слушай, ты извини.

Он снова проводит рукой по волосам. Теперь у него вид не столько взвинченный, сколько расстроенный.

– Я просто... Ничего не получается. Ты же знаешь Бриони, она вечно куда-то летит, но... Гимнастический зал в комнате – об этом и речи быть не может. У Тани прекрасные рисунки, она очень талантлива, но... Да. Потраченное время я ей оплачу, конечно... Нет, не обедом, – твердо добавляет он. – Как подобает, по счету. Я настаиваю.

Он кивает.

– Хорошо. До скорого. Пока.

В его голосе снова звучат веселые нотки, но, отключившись, он устремляет взгляд в окно, словно пытается успокоиться. Странно: у меня возникает чувство, словно я его знаю. И понимаю. Не будь мы чопорными англичанами, сидящими в лондонском кафе, наверное, заговорила бы с ним.

Но мы англичане, и нам так себя вести не положено.

И я делаю вид, будто не расслышала из разговора ни словечка, и с рассеянным видом смотрю в пространство, ничем не привлекая к себе внимания. Парень пытается что-то печатать на ноутбуке, а я смотрю на часы. Без четверти шесть. Пора бы уже.

Приходит эсэмэска, и я второпях открываю ее, в надежде, что это Джейк пишет: «Райан пришел». Или еще лучше, что это от самого Райана. Ничего подобного, конечно, это Ханна отвечает на мое же сообщение. Я читаю:

Райан вернулся? Я думала, он в Лос-Анджелесе.

Не в силах сдержать улыбки, я пишу в ответ:

Был там! А теперь он здесь, свободен и спрашивает обо мне!!!!

Отправляю эсэмэску и только тут соображаю, что натворила. Я поставила слишком много восклицательных знаков. Ханна решит, что это сигнал тревоги. Минуты не пройдет, как она затрезвонит.

Мы с Ханной дружим с одиннадцати лет, и нас обеих выбирали старостами класса. Мы оказались родственными душами. Обе дисциплинированные. Обе любили составлять списки. Доводить дела до конца. Хотя, по правде, Ханне это удавалось чаще. Она никогда не тянет до последнего и не находит всяких отговорок. Она идет до конца во всем, будь то выплата налогов, или размораживание холодильника, или ей нужно на первом же свидании растолковать парню,

что он не так целуется (нужно отдать ему должное, он не спасовал, а спросил: «Ну хорошо, а как надо?») Она показала как. Теперь они женаты).

Ханна – самый целеустремленный и прямолинейный человек, какого я знаю. Она работает актуарием, начинает рождественские покупки с июля и... так далее. На экране высвечивается ее имя. Я так и знала.

– Привет, Ханна, – говорю я как ни в чем не бывало. – Как дела?

– Райан, значит? – спрашивает она, пропустив мое приветствие мимо ушей. – А что с той девушкой из Лос-Анджелеса?

– Похоже, разрыв, – говорю я как можно спокойней, а у самой внутри все поет: «Разбежались, разбежались!»

– Гм-м... – Какой-то у нее голос неубежденный. – Фикси, вообще-то я надеялась, что ты с ним порвала. Наконец-то.

Я не виню ее за подчеркнутое «наконец-то». Я вдосталь наплакалась ей в жилетку из-за Райана. С тех пор как нам стукнуло по восемнадцать, я таскала Ханну по всем лондонским пабам: а вдруг его там встретим? Она это называла «Тропой Райана». И после его отъезда почти все наши разговоры вертелись вокруг него.

Ну хорошо, все разговоры.

– Так и было. – Я понижаю голос, чтобы не развлекать всю кофейню. – Но он спрашивал обо мне.

От одной этой мысли голова идет кругом, но я говорю как можно более небрежно:

– И это интересно. Только и всего. Просто интересно.

– Гм-м, – снова тянет Ханна. – Он тебе написал? Или что?

– Ничего. Наверное, хочет сюрприз сделать.

– Гм-м, – повторяет Ханна в третий раз. – Фикси, ты помнишь, что он живет в Лос-Анджелесе?

– Я в курсе, – сообщаю я.

– А ты занята исключительно семейным магазином.

– Знаю.

– То есть у вас двоих никаких перспектив, – непреклонно гнет свое Ханна. – У вас ничего общего. Никакого толку не будет.

– Хватит чушь нести! – шиплю я, отворачиваясь к окну от чужих ушей подальше. – Всегда ты все испортишь!

В который раз мне хочется, чтобы у меня была романтическая, не от мира сего, подружка, которая воскликнула бы: «О, Райан вернулся! Вы двое созданы друг для друга!» – и помогла бы мне выбрать наряд.

Пожалуй, Николь романтическая и не от мира сего. Но ей на меня наплевать.

– Порчу, потому что тебя знаю, – говорит Ханна. – И боюсь, что где-то в глубине души ты все еще надеешься на чудо.

Пауза. «Не говори глупостей» так и не срывается у меня с языка: лучшую подругу не обманешь.

– Это так... Крупица надежды, – говорю я, глядя на регулировщика уличного движения. – От нее никакого вреда.

– Еще какой вред, – упирается Ханна. – Ты в упор не видишь других мужчин. А они, представь себе, есть, и очень хорошие.

Я понимаю, к чему она. Месяц назад она пыталась пристроить мне одного такого хорошего, и я на него не запала. Хотя он был милый. Серьезный такой.

– Понимаю, – продолжает Ханна. – Райан недурен, гламурный, все такое. Но ты серьезно отказываешься от поисков стоящего парня ради десяти минут с «мистером Голливуд»?

– Нет, конечно.

Хотя слова «десять минут» мигом перенесли меня в нашу с Райаном постель год назад, и у меня даже под коленками взмокло.

– Пора подвести черту и двигаться дальше, – говорит Ханна. Прямо вижу, как она по линейке проводит черту под столбиком цифр и переворачивает страницу. Без проблем.

Но на Ханну чары Райана никогда не действовали. В шестом классе она встречалась со старшеклассниками-физиками и перебирала всех, пока не остановилась на Тиме, втором по мозгам (первой была она). Они продержались вместе целый год, поссорились, поступили в университет, встречались там с другими людьми, а потом снова встретились и поженились. Положительно, со времен первого свидания Тим научился целоваться получше. У обоих хорошая работа, они хотят обзавестись ребенком, и вообще у них все налажено.

– Ну и что мне прикажешь делать? – спрашиваю я довольно грубо, потому что в словах Ханны есть свой резон, и меня это злит. Хотя я благодарна ей за то, что она звонит и беспокоится. – А если он сегодня здесь и...

Я умолкаю, чтобы не сглазить.

– В смысле, если он все такой же крутой и горячий и хочет продолжать с того места, на котором вы остановились в прошлом году?

– Ну да.

– Что ж, – Ханна ненадолго замолкает. – Вот что. Ты можешь с ним спать и не расстраиваться, если он снова свалит в Лос-Анджелес? Только честно?

– Конечно, могу, – твердо заявляю я. – Это просто секс ради секса.

– А вот и нет, – скептически возражает Ханна. – Только не для тебя. И не с Райаном. Он опять выбьет тебя из колеи. И ты будешь рыдать у меня на плече.

– А может, мне все равно, – с вызовом говорю я.

– Ты хочешь сказать, что секс – это так хорошо, что ради него потом можно даже всплакнуть? – уточняет Ханна, которой все обязательно надо разложить по полочкам.

– Вполне может быть. – Я вспоминаю покрытое лос-анджелесским загаром тело Райана, переплетенное с моим. – Да.

– Прекрасно, – цедит Ханна. Прямо вижу, как она глаза закатывает. – Накуплю салфеток.

– Может, он сегодня и не придет, – заявляю я. – Тогда вообще не о чем говорить.

– Ладно, увидимся, – отвечает Ханна. – С Райаном или без него.

Я отсоединяюсь и угрюмо смотрю в окно. Теперь, когда я сказала это вслух, очевидно, что так, скорее всего, и получится. У Райана хватает куда более увлекательных дел, чем тащиться к нашей маме на день рождения. Он вообще не придет. И зря я накупила этой дребедени.

– Привет, Бриони! – Парень напротив отвечает на звонок, и я оборачиваюсь. – А, ты говорила с Таней. Хорошо. Так... Нет, речь не о том... – Он пытается вставить хоть слово. – Послушай, Бриони... – Он умолкает, и вид у него совершенно обескураженный. – Лапа, я ничего не хочу разрушить. И нет, мы ни о чем не договаривались.

Ха! Ну хоть не у меня одной в личной жизни все вверх ногами.

– Ты так считаешь? – восклицает он. – Я вынужден напомнить, что это моя квартира, и...

Он закатывает глаза и вдруг соображает, что я все слышу. Я быстро отворачиваюсь, но он уже встает.

– Извините, – вежливо обращается он ко мне. – Мне нужно выйти, поговорить по телефону. Вы не присмотрите за ноутбуком?

– Конечно.

Я киваю и смотрю, как он пробирается между столами, продолжая говорить в трубку:

– Я ничего не обещал! И вообще это была твоя идея!

Я потягиваю свой мятный чай и поглядываю на ноутбук. Это «Макбук». Он оставил его закрытым, рядом со стопкой папок. Я слегка наклоняю голову и читаю надпись на одной из них: «Возможности будущих инвестиций». Вот в чем я совершенно не разбираюсь.

Люди, вкладывающие средства во всякие фонды и акции, для меня как инопланетяне. В семье Фарр с деньгами можно делать три вещи. Тратить, возвращать в оборот, вкладывать в другой бизнес. Не стоит доверять парню в костюме с навороченным галстуком и дорогушей блестящей папкой.

Больше в вещах парня ничего интересного нет, и я пью свой чай, прикидывая, как бы сегодня нарядиться. И как раз обдумываю кружевной голубенький топик, когда в голове что-то срабатывает. Сигнал тревоги. Что-то не так.

Что-то происходит.

Или вот-вот произойдет.

Мозг пока не в состоянии определить, что именно, зато срабатывает шестое чувство. Надо действовать. Быстро.

Давай, Фикси. Вперед!

Даже толком не уразумев, что случилось, я, как регбист-чемпион, кидаюсь через стол, подминая под себя оставленный парнем ноутбук. В следующую секунду целая секция потолка обрушивается на меня лавиной из воды и штукатурки.

– А-а-а!

– О господи!

– Помогите!

– Что, теракт?

– Помогите девушке!

Шум сливается в неразборчивый гул. Кто-то тянет меня, твердя: «Уходите, уходите оттуда!» А я так переживаю, как бы не намок спасенный ноутбук, что не двигаюсь, пока кто-то не набрасывает на меня бумажные полотенца. Вода больше не льется, но штукатурка падает кусками, и, подняв голову, я вижу ошарашенные лица обступивших меня людей.

– Я думала, вы умерли! – произносит девочка-подросток с таким ужасом, что я не могу сдержать смеха, – и тут всех будто прорывает.

– Я так и знал! Я видел: вода капала!

– Вас же убить могло!

– Вы должны в суд подать. Что это за дела: потолки рушатся!

Мгновение назад мы были просто незнакомыми людьми в кофейне и старательно игнорировали друг друга. А теперь прямо лучшие друзья. Пожилой мужчина протягивает руку со словами:

– Давайте я подержу ваш компьютер, пока вы обсушитесь, дорогая.

Но я не хочу его отдавать и неуклюже вытираюсь одной рукой, а в голове стучит: «Надо же, чтобы именно сегодня!...»

– Что за черт?

Это парень. Вернулся и тарашится на меня, разинув в удивлении рот. Возбужденные возгласы постепенно стихают, и в кофейне воцаряется тишина. Все выжидательно смотрят на нас двоих.

– О, привет! – говорю я, подав голос впервые после обвала. – Вот ваш ноутбук. Надеюсь, он не намок.

Я протягиваю совершенно сухой ноутбук, и парень делает шаг вперед, чтобы взять его. Он переводит взгляд с меня на обрушившийся потолок и на месиво воды и штукатурки на полу и глазам своим не верит.

– Что случилось?

– Маленькое ЧП с потолком, – говорю я, пытаюсь замаять ситуацию. Но тут все остальные посетители, как греческий хор, посвящают его в суть дела.

– Потолок упал.

– Она прыгнула через стол. Как молния!

– Она спасла ваш компьютер. Без вариантов. Он был бы испорчен.

– Дамы и господа! – Бариста выбегает из-за стойки. – Приносим свои извинения! Из соображений безопасности мы сейчас закрываемся. Пожалуйста, подойдите к кассе за стаканом кофе с собой и печеньем в качестве компенсации.

Все устремляются к кассе, а сотрудница постарше остальных подходит ко мне, озабоченно наморщив лоб.

– Мадам, мы приносим извинения за доставленное неудобство, – говорит она. – Мы хотим вручить вам ваучер на пятьдесят фунтов и надеемся, что вы не будете... – Она откашливается. – И мы готовы оплатить чистку одежды.

Она вопросительно смотрит на меня, и я понимаю, к чему она клонит.

– Не волнуйтесь, – закатив глаза, говорю я. – В суд я подавать не собираюсь. Но еще от одной порции мятного чая не откажусь.

Бариста заметно расслабляется и торопится за чаем. А парень в костюме смотрит что-то в своем ноутбуке. Потом он потрясенно смотрит на меня.

– Я не знаю, как вас благодарить. Вы мне жизнь спасли.

– Ну, не жизнь все-таки.

– Но мой кусок хлеба. Дело не в самом компьютере – это полбеды. А вот информация в нем... Информация, которую мне следовало бы сохранить. – Он на мгновение прикрывает глаза и качает головой. – Вот это урок.

– Бывает, – говорю я. – Мне повезло оказаться рядом.

– Это мне повезло, – говорит он, закрывая ноутбук и внимательно глядя на меня. Его лицо как раз в лучах заходящего солнца. И у него такие лесные зеленые глаза, что мне мигом представляется олень на усыпанной цветами поляне, ветви деревьев и запах торфа. Я моргаю и снова переношусь в кофейню.

– Вам-то как раз не повезло, – продолжает парень. – Вы вся в штукатурке, и волосы мокрые. И все из-за меня. Мне ужасно неловко.

– Ничего не из-за вас, – бормочу я, смущаясь под его взглядом. На мне же майка промокла! Вопрос, насколько?

Как на конкурсе мокрых маек? Так вот почему на меня вся кофейня уставилась? Потому что на мне все прозрачное?

– Потолок обрушился, – говорю я, как бы невзначай скрещивая руки на груди. – Я и промокла. Вы здесь ни при чем.

– Но вы бы сюда не прыгнули, если бы я не попросил вас присмотреть за ноутбуком, – упирается он. – Ясно же, что нет. Вы запросто могли отскочить в безопасное место – с такой-то реакцией.

– Да ладно, – отмахиваюсь я.

– Ничего не ладно, – мотает он головой. – Я ваш должник. Может, я... Даже не знаю. Купить вам кофе?

– Нет, спасибо.

– А маффин? – Он кивает на дисплей. – Этот, двойной шоколадный, ничего не смотрится.

– Не надо! – смеюсь я. – Правда!

– Может, тогда... А давайте я вас обедом угошу!

– Вряд ли Бриони это одобрит, – не удерживаюсь я. – Извините, подслушала.

На его губах появляется кривоватая улыбка.

– Туше.

– В любом случае приятно было познакомиться, – говорю я, принимая мятный чай у бариста. – Но мне, пожалуй, пора.

– Но должен же я вас как-то отблагодарить! – настаивает он.

– Правда, не надо, – так же твердо отвечаю я. – Со мной все в порядке.

Я вежливо улыбаюсь ему, поворачиваюсь и направляюсь к двери. Почти у самого порога вопль «Подождите!» заставляет меня оглянуться.

– Не уходите! – говорит он. – Пожалуйста... Погодите. У меня для вас кое-что есть.

Я так заинтригована, что делаю несколько шагов обратно. Парень стоит возле стойки и что-то пишет на манжете для стакана.

– Я всегда плачу свои долги, – говорит он наконец, подойдя ко мне. – Всегда.

Он протягивает мне манжету, и я читаю:

Я в долгу

Бессрочное обязательство

У меня на глазах он ставит подпись, такую витиеватую, что и не разобрать, и выводит дату.

– Если когда-нибудь вам понадобится помощь, – произносит он, поднимая глаза. – Я сделаю все, что смогу. Что угодно.

Он лезет в карман, достает визитку и озирается, наморщив лоб.

– Мне нужна скрепка, хоть какая-нибудь.

– Пожалуйста. – Я отставляю чашку, лезу в сумку с покупками и извлекаю заклепку с блестяшками.

– Прекрасно.

И он прикрепляет визитную карточку к манжете для кофе заклепкой для волос.

– Это я. Себастьян Марлоу.

– А я Фикси Фарр, – отзываюсь я.

– Фикси, – серьезно кивает он и протягивает руку. – Очень приятно.

Мы обмениваемся рукопожатиями, и Себастьян протягивает мне манжету.

– Возьмите, пожалуйста. Я серьезно.

– Вижу. – Я не могу сдержать улыбки. – Если мне в будущем понадобятся инвестиции, дам вам знать.

Он сияет, не уловив иронии.

– Да! Пожалуйста! Договоримся о встрече, и я буду счастлив дать вам совет...

– Это вряд ли, – прерываю я его. – Не мой случай. Но за предложение спасибо.

До него с опозданием доходит, что я прикалываюсь, и он улыбается.

– Тогда что-нибудь, что вам действительно понадобится.

Он все еще держит манжету в протянутой руке, и наконец я ее принимаю.

– Хорошо. Спасибо.

Чтобы взбодрить его, я прячу манжету в сумочку и похлопываю по ней.

– Здесь она будет в целости и сохранности. А теперь мне и правда пора. У нас семейное торжество, на которое я должна успеть.

– Вы думаете, я пошутил, – говорит он, глядя, как я подхватываю свой стакан чая. – А это не так. Я перед вами действительно в долгу, Фикси Фарр. Помните это.

– Обязательно, – вру я и одабриваю его на прощание ослепительной улыбкой. – Непременно запомню.

Глава четвертая

Никакого Райана у нас и в помине нет. И Джейка тоже.

Очутившись дома, я подкрадываюсь к гостиной и осторожно заглядываю в дверь, готовая удрать, если что. Если они здесь, то непременно сидят на диване и дуют пиво. Но их нет. Пронесло.

Я иду на кухню, по дороге миновав Николь. Она фотографирует бумажную гирлянду на стенке. Это, как я понимаю, к празднику, хотя в чем в чем, а в украшениях наш дом не нуждается. Мама годами увешивала каждый уголок семейными фотографиями, коллажами и всякими сувенирами. У мамы художественная жилка, передавшаяся Николь, но меня эта наследственность обошла стороной, с супермодельной внешностью на пару. Зато мы с Джейком переняли от папы темные волосы и глаза, и это можно назвать «яркостью». Но Николь ошеломляюще красива, хотя как следует она так в модельный бизнес и не втянулась. Овал лица, бирюзовые глаза, брови вразлет... В этом есть нечто волшебное. Даже я готова на нее целый день любоваться, хоть она мне и сестра.

– Привет, Николь, – здороваюсь я, и она кивает, глядя в мобильник. Она замужем, но временно живет здесь, потому что Дрю, ее муж, на полгода подался в Абу-Даби: работает там над компьютерной системой для какого-то международного проекта, а Николь уезжать не захотела.

– Абу-Даби? – произнесла она, как будто это было достаточным основанием, чтобы остаться дома. – Абу-Даби?

И подытожила:

– А моя йога?

Так Дрю отбыл в Абу-Даби, квартиру они сдали внаем, и Николь на время вернулась в лоно семьи. Холодильник набит йогуртами с пробиотиками, повсюду раскиданы этнические бусы, и каждое утро я слушаю, как подсознание под музыку флейт убеждает ее, что не надо себя осуждать.

Николь приходится хуже, чем она ожидала: Дрю далеко, и она все время вздыхает над телефоном и рассказывает каждому встречному, как тяжело переносит разлуку. Дрю мне тоже жаль. Он названивает нам на городской, если не может поймать Николь по мобильному, и иногда изливает душу нам с мамой. Я выслушала все об изнурительной жаре, бессоннице и о служебных разборках с каким-то Базом. В последний раз он звонил совсем разбитый, и мы с мамой отправляли ему ссылки на всевозможные наугуленные болезни.

Они с Николь познакомились за год до свадьбы; Дрю пахал в какой-то компьютерной фирме, и до того, как они поженились, я его толком не знала. Но после его отъезда мы достаточно часто говорили по телефону, чтобы я составила о нем представление. У Дрю отличное чувство юмора, и неудивительно, что Николь за него вышла. Но почему она не поехала с ним в Абу-Даби, я тоже понимаю. Они же вроде вместе на йогу ходили?

– Николь, ты мое сообщение получила? – спохватываюсь я. – Мы говорили вчера с Дрю, так вот, это явно не малярия.

– А, хорошо, – рассеянно отзывается Николь. – Прекрасно ведь? – спрашивает она с гораздо большим энтузиазмом и приподнимает гирлянду. – Размещу ее на Пинтересте. Похоже на... на...

Я жду, пока она закончит, и сообщаю, что она уже все сказала. С Николь такое бывает: мысли куда-то уплывают, пока ты вежливо дожидаясь продолжения.

– Изумительно, – говорю я. – А где Джейк?

– Не видела.

– Но он часа два назад собирался домой, чтобы помочь маме.

Николь пожимает плечами и делает еще один снимок.

– Так кто помогает маме?

Знаю, что звучит обвинением, но на самом деле я в оборонительной позиции. Надо было идти домой, а не слоняться по магазинам и кофейням.

– Я! – уязвленно отвечает Николь. – Я все украсила.

– Конечно, – осторожно говорю я. – Но я имела в виду готовку, уборку, все такое.

– Но должна же я отвлечься на что-нибудь художественное. Мне нужно дать выход эмоциям, Фикси. – Николь бросает на меня злобный взгляд. – Мой муж на другом конце света, если ты в курсе. У меня сепарационная тревога. Я должна заботиться о себе.

– Я знаю, но...

– Мой учитель йоги говорит, что если я не стану заботиться о себе, то это может подорвать мое душевное здоровье.

Последнюю фразу она выдает как козырную карту.

– Само собой, – после паузы говорю я. – Сочувствую.

Я спешу на кухню и распахиваю дверь. Так я и знала: мама хлопочет над столом. В джинсах и фартуке, с седеющими волосами, собранными в хвост, она кромсает пластиковым ножом розовую сахарную пасту. На мочке уха след от глазури и, как обычно, никакого макияжа.

Выкроила она хоть минутку, чтобы вымыть голову или сделать косметическую маску? Ясное дело, нет. И наверняка еще не решила, что наденет. Самая трудная задача на таких торжествах – заставить маму принарядиться.

– Привет, мам!

Но мама, сосредоточенно насупившись, меня останавливает. Она по-настоящему красива: с высокими скулами и подвижной мимикой. Понятно, в кого пошла Николь.

– Помочь тебе?

– Тш-ш! Подожди.

Она сосредоточенно делает пион из сахарной пасты. Тщательно складывает вырезанный кусочек в форме цветка и украшает листочком зеленого цвета.

– Красиво! – хлопаю я.

– Хорошо получилось, да? – Мама пристраивает пион на покрытый глазурью кекс и похлопывает по пластиковому ножу. – Хороший. И цена в самый раз. Надо бы закупить такие.

Мама никогда не занимается чем-то одним. Вот и сейчас, готовя кексы к собственному дню рождения, она обдумывает, что бы еще сделать для магазина. Мама никогда ничего не закупит, пока лично не убедится, что оно того стоит. Каждая кастрюля, каждый пищевой контейнер и любой кулинарный приамбас проходят проверку мамой. Работает ли? Стоящее ли? И нужно ли оно покупателям?

– Ванессе понравится, – добавляет она.

– Наверняка, – киваю я, с улыбкой подумав о Ванессе с ее пестрыми жилетами, красным дождевиком и кипучей энергией. Она одна из наших самых постоянных клиенток и член Пирожного клуба, который собирается у нас по вторникам. Морэг показывает, что делать, на демонстрационной кухне, а все остальные стараются за ней повторять. Доска посетителей в магазине увешана фотографиями пирогов, есть специальная страница в Инстаграме. Вот что отличает Фарров: у нас свое сообщество.

– Я доделаю, – говорю я, улучив момент. – А ты готовься.

Мама впервые поднимает голову – и меняется в лице.

– Фикси, что с тобой случилось? Погода не настолько плохая!

Она смотрит на окно, за которым капает легкий летний дождик – начался, пока я добиралась до дома.

– Нет, просто маленькая неприятность приключилась. Все в порядке.

– Жуткий у нее вид, правда? – роняет Николь, всплывая на кухню.

– Мам, – снова начинаю я. – Почему бы тебе собой не заняться? Прими ванну. Отдохни чуток.

– Еще парочку сделаю. – Мама раскатывает новую порцию сахарной пасты.

– Хорошо. А я приведу волосы в порядок, – говорю я. – Пара секунд.

– Может, приготовишь мне кофе, дорогая? – обращается мама к Николь. – Раз ты ничем другим не занята.

– Ой. – Николь с сомнением морщит носик. – Кофе. Ты же знаешь, я в этой технике ничего не понимаю.

Джейк подарил маме кофеварку на прошлое Рождество. Она сложная, но если постараться, то разобраться можно. Но у Николь патологическая неспособность с ней справиться. Она пялится на кофеварку и спрашивает: «А как это – освободить поддон?» Все разжевываешь, объясняешь три раза, но она все равно не въезжает. В конце концов делаешь все сама.

– Я приготовлю, – поспешно говорю я, хватая чашку.

– Привет, мам! – Джейк врывается в кухню, благоухая гелем для душа и пивом. – С днем рождения!

Он целует ее в щеку и вручает пакет от Кристиана Диора.

– Дорогой! – Глаза мамы лезут на лоб при виде блестящего пакета. – Не надо было!

Обычно, когда говорят «не надо было», имеют в виду «надо, надо». Но это не мамин случай. Она не выносит, когда на нее тратятся, особенно дети. Она, конечно, тронута, но и расстроена – потому что считает такую трату напрасной.

Мама считает ненужным очень многое в мире. Она редко пользуется косметикой. Никогда не ездит за границу. Даже выходные редко берет. Не читает газеты. Я даже не уверена, что она голосует (говорит, что да, но это, по-моему, просто чтобы мы не лезли с поучениями).

Единственные сайты, которые она посещает, – это всякое рукоделие, товары для кухни и тому подобные штучки. Она смотрит «Жителей Ист-Энда», руководит «Фаррз» и занимается зумбой – все. Иногда я предлагаю ей съездить за границу или сходить на спа-процедуры. Но она только мягко улыбается в ответ: «Это все не для меня, дорогая».

О другом мужчине и говорить нечего. После папиной смерти она никого не замечала и ни с кем не встречалась. Говорит, что папа по-прежнему рядом, говорит с ней и никто другой ей не нужен. А когда Джейк заикнулся о какой-то программе знакомств «Серебряные годы», мама просто вскипела, чего за ней обычно не водится.

– Джейк, давай ты маме кофе сделаешь, – говорит Николь. – А где Лейла?

– Я ее за пивом послал, – бросает Джейк, и я представляю бедняжку Лейлу, которая тащит с десятков упаковок своими тонкими ручками.

Я ни о чем не собиралась спрашивать, слова вылетели сами собой:

– Райан здесь?

Голос звучит хрипло, и я багровею, когда все оборачиваются на меня. Я бы и не заикнулась о Райане, просто не по себе стало: вдруг он возьмет да появится прямо в кухне. У меня волосы еще не высохли, и джинсы рабочие – хоть в холодильник прячься.

– Нет еще. – Джейк меряет меня взглядом. – Это ты для вечеринки хорьком-утопленником вырядилась?

Николь разражается смехом.

– Ой, Фикси, и правда: хорек-утопленник!

– На меня упал потолок! – ошетиниваюсь я. – Я не виновата.

– Дорогая, ступай наверх, прими душ, и все будет в порядке, – говорит мама успокаивающим тоном. Успокаивающим, но с металлическими нотками – как предостережение Джейку и Николь.

Мама у нас вроде жокея. Чуть-чуть изменится голос – и мы живенько меняем курс, точно лошади на скачках. Даже Джейк.

– Ты как, Фикси? – смешавшись, спрашивает Николь. – Прости, я же не знала.

– Я не хотел тебя обидеть, Фикси, – говорит Джейк. – Иди, переоденься. Не торопись. Я здесь все сделаю.

Он такой милый, что я прямо таю. Брат умеет быть лапочкой, когда захочет.

– Хорошо. – Я подхватываю сумку с заколками. – Приму душ. Мама, может, заодно тебе наряд выберем?

– Минуточку, – говорит мама, сворачивая очередной пион.

Я решаю, что маму будет легче уговорить, когда я себя приведу в порядок. Бегу наверх, стаскиваю влажные джинсы и майку и лезу в душ в нашей старомодной ванной.

Я не всегда жила дома – одно время мы устроились вместе с Ханной. Она купила квартиру в Хаммерсмите и объявила, что я просто обязана там пожить, а ренту она со своим крутым заработком берет на себя. Но потом у них заладилась с Тимом, и мне стало неловко ныкаться по углам каждый вечер.

Потом провалилась моя затея с кейтерингом, и все пришлось менять. Это именно мама сказала: «Дорогая, многие девушки в твоём возрасте живут в родном доме» – и мне не было стыдно вернуться. Положа руку на сердце, я только обрадовалась.

Я заворачиваюсь в полотенце и выхожу на лестничную площадку, чтобы высушить волосы: там и просторней, и зеркало больше. И замираю, расслышав через шум фена какие-то звуки снизу. Это разговаривает Джейк.

Дом у нас небольшой, полы и стены тонкие. И хотя я не могу разобрать слов, тон слышен очень хорошо. Он говорит и говорит, и никто его не останавливает, и это кажется подозрительным. Как была, в полотенце, я спешу вниз.

Теперь хорошо слышно, как Джейк тянет в своей обычной вальяжной манере:

– Я же сказал, нам выпала прекрасная возможность. У этих масел мировой вкус. Но я не хочу грузить тебя подробностями, у тебя и так дел хватает. Давай я просто сделаю заказ? Бутылок десять?

Что?

Я свешиваюсь через перила, задыхаясь от негодования. Нарочно меня отослал, выбрал момент, когда мамини мысли другим заняты!

Черт. Я роняю полотенце.

Я снова второпях наматываю его на себя и направляюсь к кухне.

– Мама! – Я врываюсь к ним, грудь вздымается от гнева. – Насчет оливкового масла...

Вокруг роится воронье, но мне без разницы.

– Я уже говорила об этом с Джейком... и я правда не думаю...

Черт. Голос дрожит. Выдохлась моя храбрость. Ненавижу себя!

– Тебя это не касается, Фикси. – Джейк бросает свирепый взгляд в мою сторону.

– Касается! – Я отвечаю ему таким же взглядом.

– Джейк. Фикси, – раздаётся мамин спокойный голос. – Вы же знаете, что я никогда не закажу новый продукт, не узнав подробностей. Покажи мне бумаги, Джейк.

– Это твой праздник! – восклицает Джейк с нарочитой веселостью. – Ты же не будешь сейчас с этим возиться.

– Буду, – мягко сообщает она. – Дай сюда.

– Ну хорошо, – произносит Джейк наконец.

Он протягивает маме стопку бумаг, и мы ждем, пока она их просматривает. Наконец она доходит до прайс-листа, и глаза у нее лезут на лоб.

– Слишком дорого, милый, – говорит она, возвращая бумаги Джейку. – Несоизмеримо дорого. Это не для нас.

– Но это для притязательного покупателя! – заводит свое Джейк. – Это совершенно другой тип продуктов!

Но мама качает головой.

– Для амбициозных у нас пищевые красители с блестками. Но не такое.

– Мам, ну не надо так себя недооценивать, – ноет Джейк. – Прекрасно такое покупают! Правда! В «Хэрродз»...

– Может, в «Хэрродз» они это и сбывают, – спокойно обрывает его мама. – Но выставить у нас на полке оливковое масло за сотню фунтов – мало того, что мы его не продадим. Мы расстроим людей. Они будут задеты.

До меня доходит, что она права. Представляю, как Ванесса пронесится по магазину, потрясая бутылкой масла. «Сто фунтов за это?! Да это грабеж среди бела дня!»

– Но...

– Нет, Джейк, – мама прерывает его так же решительно, как в десять лет, когда он нахвтался взрослых грубых словечек. – Довольно. Мой ответ – нет. Папа сказал бы то же самое.

Раз речь зашла о папе, обсуждать больше нечего. Джейк косится на меня так, словно это я во всем виновата, но мне наплевать. У меня камень упал с души. Ну и дурочка же я! Поверила, будто Джейк запудрит маме мозги. Да это же мама! Она рулит.

– Пойду причешусь, – говорю я, и мама поднимает глаза. Оглядывает с ног до головы и – уж не знаю, что она во мне увидела, – улыбается, по-особенному, ободряюще и мягко.

Когда мама улыбается, на ее лице появляются морщинки. Солнечными лучиками разбегаются от глаз, покрывают щеки, глубокими бороздами пересекают лоб. Их изрядно добавило горе. Я сама заметила. И пусть другим они кажутся уродством – я вижу в них жизнь и любовь.

– Может, попросим Николь сделать тебе особую укладку? – спрашивает она и оглядывается на сестру.

– А? – Николь отрывает рассеянный взгляд от телефона. – Прекрасно, сделаю, конечно. Пошли наверх.

Знаю, маме хотелось бы, чтобы мы с Николь были ближе друг к другу. Как сестры в кино: вечно обнимаются, секретничают вместе, все такое.

Я бы и рада. Но это так же просто, как если бы масло захотело быть поближе к воде. Мы просто несовместимы.

– И Джейк, – говорит мама, когда он лезет в холодильник за пивом. – Может, сначала поможешь мне расставить кексы? Только не задень глазурь.

– Конечно, – без энтузиазма отвечает Джейк и ставит пиво на место, а я подавляю улыбку. Никто не оторвет моего братца от пива, чтобы расставить кексы. Никто, кроме мамы.

Глава пятая

Комната Николь выглядит так, словно воплотилась в жизнь страничка Инстаграма. Повсюду ее фотографии, картинки с цитатами или стильными аксессуарами. Я задерживаюсь перед черно-белым коллажем со свадебными снимками и невольно вздыхаю: надо же быть такой хорошенькой без всяких усилий. Каково это – просто проснуться поутру и быть Николь?

На всех снимках Дрю смотрит на Николь так, словно не может поверить в свою удачу. Он высок и хорош собой, с густыми темными волосами и приятным открытым лицом, но они с Николь не очень-то подходят друг другу. Это даже его мать признавала. Я смотрю на снимок, который они рассылали нам вместе с благодарственными открытками. Они стоят под деревом, и у Дрю вид совершенно одуревший от любви, а Николь смотрит...

Скажем, с нежностью. Да, точно. Она смотрит с нежностью.

Я никогда не вникала в тонкости отношений Дрю и Николь, и это неудивительно. Сестра о таких вещах не распространяется. Она не откровенничает ни с кем, даже с мамой. Если кто-нибудь начинает наседать или докапываться, она просто меняет тему разговора или смотрит с отсутствующим видом.

С Дрю ее познакомил кто-то из друзей, и сначала он должен был помочь ей с разработкой нового цифрового стиля. Их встречи принимали все более оживленный характер, и мы гадали, чем это кончится. К затее с новым оформлением Николь остыла, но с Дрю у них уже все наладилось, и вскоре они объявили о помолвке. Маму, кажется, беспокоило, что все произошло слишком быстро, но, с другой стороны, Дрю был таким милым, успешным и благонадежным... и свадьба получилась просто загляденье.

Я отвожу взгляд от коллажа и смотрю на новые подушки, разбросанные по кровати. На них вышиты фразочки: «Люби себя», «Мое время», а на самой большой – «Из пустой чашки не глотнешь – сначала позаботься о себе».

Николь зажигает ароматические свечи в стеклянных подсвечниках, тоже с надписями: «Любовь. Душа. Сострадание».

– Сейчас я преисполнена сострадания, – серьезно объясняет Николь, заметив, куда я смотрю. – Сострадание совершенствует душу. Оно делает нас человечными.

Я изумленно хлопаю глазами. Сострадание? В жизни от нее такого не слыхала.

– Полностью согласна! – пылко соглашаюсь я, пока она лезет в ящик комода за плойкой. – Знаешь, я иногда подумываю, что мы могли бы больше делать для людей в нашем магазине. Кулинарную группу для пожилых, например, или еще что-нибудь?

Может, мы могли бы стать ближе как сестры, думаю я. Начнем новый проект, который объединит нас... Но тут Николь поворачивается и устремляет на меня отсутствующий взгляд.

– Я не об этом дурацком магазине, – жалостливо бросает она. – Вечно вы с мамой только о нем и думаете.

О дурацком магазине?! Меня охватывает негодование. А не этот дурацкий магазин дает ей крышу над головой? Не оттуда ли взялись деньги на ее свадьбу?

Вслух я ничего этого не говорю: стараюсь быть позитивной и участливой.

– Это сострадание к себе, – мудро изрекает Николь. – Это твой поиск. Обрести свой свет и заставить его сиять.

– Конечно, – бормочу я, слегка сбита с толку. – Просто я подумала, что некоторым из наших клиентов бывает одиноко...

И понимаю, что Николь меня не слушает.

– Сострадание – очень важный принцип буддизма, – сообщает она, включая плойку разогреваться. – И если сострадание не распространяется на тебя самого, то оно несовершенно. Это из высказываний Будды. Тебе бы заняться этим, Фикси. Это как...

Я жду, как что же это окажется, и наконец понимаю, что она уже все сказала.

– Может, когда-нибудь, – киваю я. – Наверняка.

– Моя преподавательница йоги, Анита, говорит, что мне сейчас надо избегать категоричных заявлений, – добавляет Николь. – Мне сейчас надо разгонять эндорфины, потому что в отсутствие Дрю я совершенно уязвима.

Она окидывает меня серьезным взглядом.

– Я могу завить спиралью.

– Хорошо, – быстро говорю я. – Просто ужасно. Бедняжка.

– Анита советует мне ставить себя на первое место, – продолжает Николь. – Позаботиться о себе. И знаешь что? Принято думать о других, но иногда надо сказать: «Пошло оно все, я важнее. Я этого заслуживаю». Садись.

Николь кивает на стул, и я сажусь. Она расчесывает мои волосы, сбрызгивает каким-то средством из пульверизатора, отделяет прядь и наматывает ее.

Я замечаю на туалетном столике книжку «Твоя звериная психологическая сущность», и Николь следует за моим взглядом, делая плойкой тугое колечко.

– Я еще занимаюсь психологическим типированием, – говорит она. – Я стрекоза. Дам тебе вопросник. И ты сможешь организовать свою жизнь в соответствии... – Она умолкает и критически смотрит на следующий завиток. – У тебя ведь волосы не блестят?

– Нет, – подтверждаю я, – не блестят.

Волосы у меня такой же длины, как у Николь, – до лопаток. Но если у нее они ниспадают, сверкая и переливаясь разными оттенками, то мои просто висят. Николь снова обрызгивает мою голову из пульверизатора и натягивает волосы так туго, что на глазах у меня выступают слезы.

– Ты знаешь, что у Райана есть подруга? – спрашивает она. – Ариана. В смысле, я не знаю, Фикси, на что ты рассчитываешь, но...

– Лейла говорит, они расстались, – вставляю я чересчур поспешно.

– В самом деле? – Николь строит недоверчивую гримасу и берется за следующую прядь. – Я подписана на Ариану в Инстаграме. Она изумительна. И тоже склонна к состраданию. Посредством кулинарии.

– Да-да, – с нарочитой небрежностью бросаю я. – Ну, теперь они разошлись, и...

– Вот она, погляди. – И тычет мобильник мне под нос. Я сейчас озверею. – Она такая позитивная. Однажды я прокомментировала ее гранатовый салат, и она мне ответила.

Хочется взвыть: «Убери от меня куда подальше всех девушек Райана, хоть бывших, хоть настоящих, хоть каких!» Но я выдаю свою неуверенность, так что рта лучше не открывать. У Николь и в мыслях нет меня мучить: не настолько она думает о других. Она прокручивает фотографии, наверное, ищет свой комментарий. Закрыть бы глаза, но деваться некуда, и я угрюмо плююсь, как блондинка в калифорнийском антураже занимается йогой, готовит и гоняет на роликах в коротеньких шортах.

Видела я уже ее в Инстаграме. А вы как думали? То подписываюсь на нее, то отписываюсь, потом опять подписываюсь. Она, наверное, чокнутой меня считает, если вообще заметила: у нее 26 600 подписчиков.

– Вот! – Николь останавливается на снимке, где Ариана в розовом топике и легинсах в позе гурии подносит к камере блюдо с салатом.

– Так она готовит или упражнениями занимается? – спрашиваю я наконец.

– И то и другое, – говорит Николь. – Это ее новое хобби. Она готовит и одновременно занимается спортом.

– Ясно. – Я стараюсь не заикливаться на белоснежных зубах и идеально круглой попе Арианы. – Ну, что ж, молодец.

Едва Николь наматывает очередную прядь, у нее тренькает телефон.

– Ой. – Она хмурится, читая эсэмэску. – Мне надо идти.

Она откладывает плойку и тянется за сумкой.

– Извини, – добавляет она, словно после раздумья. – Джули из нашей группы по йоге ждет в метро. Я обещала ее встретить, а то она здесь не бывала ни разу.

– Ты уходишь? – в ужасе спрашиваю я. – А мои волосы?

– Я начала, – говорит Николь. – Закончить ты можешь сама.

– Нет, не могу!

Смотрю в зеркало, и меня в дрожь бросает. Полголовы – завитушки колечками. А остальное висит унылое, как девица, которую не пригласили на танец.

– Доделай, пожалуйста! – умоляю я. – Это же быстро!

– Но Джули ждет! – говорит Николь. – Она здесь!

– Она сама добраться может...

– Но так нельзя! – Николь задета. – Фикси, нельзя быть такой эгоисткой. Помни: мой муж на другом конце света. У меня очень тяжелый период.

Раздается звонок, и она подносит телефон к уху.

– Привет, Дрю! – раздраженно говорит она. – Я занята, понимаешь? Потом перезвоню.

Она отсоединяется и возмущенно смотрит на меня.

– Дружеские отношения для меня сейчас жизненно необходимы, чтобы привести в порядок эндорфины. А ты хочешь, чтобы я торчала тут и возилась с твоей прической?

Я сразу осознаю собственную ничтожность.

– Извини, – униженно бормочу я. – Конечно, я сама доделаю. Ты иди.

– Спасибо, – отчеканивает Николь. – И задуй свечи, когда будешь уходить. Или...

И она умолкает в своей обычной манере.

– Я все сделаю, – торопливо говорю я. – Спасибо тебе!

Она выходит из комнаты, а я берусь за плойку. Обматываю вокруг нее прядь, тщетно пытаюсь не обжечь пальцы, потом отпускаю и в панике смотрю на волосы.

Каким-то образом я закрутила их назад. Вид идиотский.

Пытаюсь еще раз, снова обжигаю пальцы и сдаюсь. Не могу я сидеть и накручивать кудряшки, пока мама работает. Скреплю волосы заколкой. Отлично будет смотреться.

Я выключаю плойку, задуваю свечи, поправляю табличку, гласящую «Поверь – и ты на полпути к цели», и выхожу из комнаты. Иду в спальню, хватаю одну из новых заколок и скручиваю волосы в узел. Надеваю самое короткое черное платье: однажды Райан сказал, что у меня ноги – отпад. И быстренько крашусь, стараясь не думать, какой унылой британской мышью выгляжу по сравнению с Арианой.

Тут из маминной комнаты слышится шум, и я отрываюсь от зеркала. Хватит с собой нянчиться, там, наверное, помощь нужна.

У мамы всего два стильных платья, и она никогда не ходит за покупками («Дорогая, это не для меня»). Но она такая стройная, что отлично смотрится в простой голубенькой блузке и туфлях из благотворительного магазина. Она сидит за своим изогнутым туалетным столиком, а я забралась на кровать и передаю ей содержимое моей косметички (мама целую вечность ходит с одним и тем же набором, и хороших оттенков там уже не осталось).

– Как день прошел? – спрашивает она, нанося тональный крем на кончики пальцев.

– Очень удачно. Приходила супружеская пара, хотели оснастить свою кухню. Скупили все.

– Превосходно! – В глазах у мамы вспыхивают огоньки, как всегда, когда у нас хорошие продажи.

– Только пришлось Грега турнуть, – говорю я. – Прицепился к ним: часто ли они готовят дома и что делают. Расспрашивал про ризотто. Хотел помочь, но вместо этого напугал их.

– Бедный Грег! – Мама сокрушенно качает головой. – Он так старается.

– А потом Джейк притащил этих, с оливковым маслом. Знаешь, вечно у него грандиозные идеи. – Я снова чувствую, как во мне все сжимается от напряжения. – Он хочет открыть филиал в Ноттинг-Хилле. И переименовать магазин в «Ноттинг-Хилл: семейные деликатесы», представляешь? Откуда у нас деликатесы?

Кажется, маму это должно задеть так же, как меня. Но она только задумчиво кивает со словами:

– Этому никогда не бывать. Ты же знаешь Джейка. Ему нужны грандиозные планы. Он всегда таким был. – Она смотрит на меня и улыбается: – Не переживай, Фикси. Я с ним поговорю.

Она говорит настолько невозмутимо и спокойно, что меня отпускает. Это мамина магия. Она вроде психолога, который знает, на какие точки нужно нажать. Молвила словечко, обняла – и все проходит. Сажу с ней рядом и чувствую, как развеиваются все тревоги. Наш магазин всегда будет носить имя Фарров. И Джейку с его дурацкими амбициями маму не обойти.

– Я слышала, Райан сегодня придет? – спрашивает мама, нанося на веки тени с небрежностью человека, которому совершенно неинтересен результат. Это не значит, будто она не умеет пользоваться косметикой: меня она прекрасно красила перед молодежными соревнованиями по фигурному катанию. И тени, и блеск – все было на месте. Но когда речь заходит о ней самой, она не утруждается.

– Да. – Я стараюсь говорить как можно более небрежно. – Вроде бы. И что это его принесло в Англию?

– Фикси, дорогая... – Мама замялась, сжимая кисточку в руках. – Будь осторожна. Я знаю, он сделал тебе больно в прошлом году.

О нет, и мама туда же!

– Ничуть! – невольно вырывается у меня. – Не было мне больно! Просто... побыли вместе и разбежались. Подумаешь!

Похоже, маму мои слова не слишком убедили. Хотя какое мне дело?

– Я знаю, Райан всегда много для тебя значил, – говорит она, нанося хайлайтер. – Мы все его обожали. Но в мире много других мужчин, дорогая.

– Знаю, – отзываюсь я, хотя внутренний голос бунтует: «Таких, как Райан, нет!»

– Он привлекателен внешне, – твердо продолжает мама, – и может пользоваться успехом в Голливуде, но когда дело доходит до чувств, он... – Она умолкает и задумывается. – Совсем голова не работает. Как вы это называете? С жуками?

– С жуками? – Я вытираю глаза, и до меня доходит: – С тараканами?

– С тараканами! – Мама смотрит на меня и хохочет. – Да! С тараканами.

Я не удерживаюсь и тоже хихикаю, а сама думаю: может, и правда Райан бзиканутый. Люди меняются.

– Ладно! – Кажется, нотация закончилась. Мама закрывает хайлайтер и без особого интереса оглядывает себя в зеркале. – Идем?

– А тушь для ресниц? – предлагаю я.

– Дорогая, сколько возни! Это не для меня.

– Привет, Фикси! Привет, Джоанна!

Мы оборачиваемся и видим Ханну в облегающем красном платье. Гардероб у нее самый сексуальный в мире: она говорит, что так компенсирует самую несексуальную работу. Люди, узнав, чем Ханна занимается, вытирают глаза и спрашивают: «Что, правда актуарий?»

– Привет! – Я вскакиваю и обнимаю ее. – Я не слышала звонка.

– Я встретила Николь, и она меня впустила, – объясняет Ханна. – Там еще несколько гостей подошли. Они специально пораньше, чтобы помочь.

Похоже на маминых друзей. В некоторых кругах модно опаздывать. В маминой компании принято забегать пораньше и спрашивать, что нужно сделать. Дамы засучивают рукава и спорят, кто будет готовить слоеный пирог. А мужчины пьют пиво, курят и вспоминают, каким славным парнем был Майк.

– Тим в пути, – говорит Ханна, и я быстро отзываюсь:

– Круто!

Когда речь заходит о Тиме, я стараюсь особого энтузиазма не показывать. Он надежный, добрый и преданный парень. У него такой же логический склад ума, как у Ханны. Но чуткости ему не хватает. Запросто может наговорить лишнего и даже не заметить своей бестактности.

В жизни не забуду, как он ляпнул: «Но, Фикси, может, ты просто просмотрела невнимательно?», когда я провалила в школе экзамен по английскому. Кем надо быть, чтобы такое брякнуть? Тимом, конечно.

Но Ханну это устраивает. Она вечно рассказывает, как ценит его прямолинейность и то, что он не из тех, кто играет с людьми (вообще не представляю Тима за играми, разве что в каком-нибудь высоколобом интеллектуальном конкурсе, где он станет то и дело поправлять своего противника).

– Ты взяла себе что-нибудь из напитков, дорогая? – спрашивает мама, и Ханна помахивает стаканом.

– Грейпфрутовый сок.

– Ага, – мама понимающе кивает. Мы обе знаем: Ханна соблюдает режим, чтобы зачать. Они с Тимом стараются уже четвертый месяц, и моя подруга теперь стала специалистом по правам на декретный отпуск и консультациям по грудному вскармливанию. Она проглотила миллион книжек об уходе за детьми и решила, что будет воспитывать своих отпрысков в датско-французских традициях. Тогда они вырастут раскрепощенными, стильными и питаться станут овощами (однажды я заикнулась: а почему бы их в британских традициях не растить? Ханна уставилась на меня и переспросила: «Британскими?!» – так, словно у меня поехала крыша).

– Так чем я могу помочь? – спрашивает она. – Что нужно сделать? Давайте все распределим.

«Давайте распределим» – любимое выражение Ханны. Поручите ей любое дело, от отчета до мытья головы, и она живо разнесет его на этапы. Ее список дел на Рождество включает 926 пунктов, от заказа оберточной бумаги до дня вручения подарков.

– Мы прекрасно справимся, дорогая, – с нежностью говорит мама. Однажды Ханна подарила ей на день рождения разноцветный органайзер, и теперь она рисует в нем каракули, болтая по телефону. Мама систематизировать не любит. В магазине она ведет тетрадку в твердом переплете, полную только ей понятных записей, типа «Вилки – 68» или «Грег?».

В дверь звонят, и у меня сводит желудок. А если это... А вдруг...

– Я открою! – выпаливаю я. Мама с Ханной переглядываются, но мне все равно. Я бегу вниз, едва не слетая с каблучков, и прокручиваю, что скажу.

Привет, Райан.

А, это ты, Райан.

Привет тебе, путник.

Но у самого порога сердце обрывается. Сквозь матовое стекло видна седая шевелюра, и стоит мне отворить дверь, как раздастся ворчливый скрипучий голос:

– Да поживее давай, нечего держать меня на пороге!

Великолепно. Это дядюшка Нед.

Через час Райана все еще нет и в помине, а дядюшку Неда впору прирезать.

Мне всегда хочется его пристукнуть, на каждом семейном сборище. Вместо этого приходится вежливо ему улыбаться, потому что он папин брат и единственный, кто остался из родни по той линии. К тому же мама переживает, когда мы на него наезжаем.

Мы сидим в гостиной. Маминых друзей собралась целая толпа, и все беззаботно болтают. Играет музыка, все уплетают колбасные рулетики, и в воздухе висит сигаретный дым: мама никогда не заморачивается просьбами курить на улице. Папа всегда курил дома, и хотя мама сама никотином не балуется, в других едва ли это не поощряет.

– В магазине все хорошо? – спрашивает дядюшка Нед.

– Неплохо. – Мама бросает на него взгляд поверх бокала шампанского. – Весьма неплохо.

– Ничего удивительного, – заявляет дядюшка Нед. – Майк был настоящим мастером во всем, за что ни брался. Он тебя на всю жизнь обеспечил, Джоанна.

– Так и было, – кивает мама с нежной задумчивостью во взгляде. – Он продолжает жить в своем магазине, я так считаю.

– У него деловая хватка была, – растолковывает дядюшка Нед маминой подруге Пиппе, хотя та в магазинах разбирается не меньше его. – Он знал, что нужно людям, понимаете? Вот голова была! Джоанне только и остается, что продолжать в том же духе.

Во мне все кипит. Я знаю, магазин создал папа, но что за фигню дядюшка Нед несет? Что последние девять лет мама просто плыла по течению?

– Боб очень помогает, – кивает мама на Боба, нашего финансового менеджера, возвышающегося над буфетным столом. Он тянется за колбаской, передумывает, зависает над пирогом с заварным кремом и наконец кладет на тарелку пару чипсов (Боб Стринджер: Самый Осторожный Человек в Мире).

– Боб! – восклицает дядюшка Нед так, словно это слово все объясняет. – Славный старина Боб. Это он тебя на плаву держит.

Меня опять корежит. Боб, конечно, выручает, но отнюдь не он поддерживает нас «на плаву».

– Боб крут, – говорю я, – но и мама...

– В каждой организации нужен глава, – прерывает меня дядюшка Нед. И повторяет с ударением: – Глава дома. А поскольку бедняга Майк нас покинул... – Он сочувственно треплет маму по руке. – Ты отлично держишься, Джоанна.

Я вижу: маму передергивает от его прикосновения, но она сдерживается. Поневоле и я терплю, хотя внутри все кипит. Раньше я, бывало, срывалась, но без толку, – только мама расстраивалась.

Я по-настоящему психанула на прошлое Рождество, когда дядюшка Нед вздумал поучать маму за ланчем. Тогда я ему и выдала. Он побагровел и завел «после-всего-что-я-для-вас-сделал»... Мама разрядила обстановку, заверив его, что я ничего такого в виду не имела.

Я и тогда не сдалась. Утащила маму, все еще наряженную в бумажный колпак, на кухню, перечислила там все услышанные несправедливости и выдала:

– Как ты это терпишь? Ты сильная женщина! Ты всем руководишь!

Я надеялась ее растормошить, но не тут-то было. Она выслушала меня, слегка морщась, и наконец сказала:

– Дорогая, он же не имел в виду ничего плохого. Это все пустяки. Когда нужна помощь, твой дядя всегда рядом.

– Да, но...

– Помнишь, как он помог мне с арендой, когда умер твой папа? Я была совершенно разбита, и тут подоспел Нед. Я всегда буду благодарна ему за это.

– Я знаю, но...

– Он создал для нас выгодные условия, – твердо продолжает она. – Можно сказать, выбил. Он сделал больше, чем может показаться. Конечно, он неидеален, но у кого из нас нет недостатков? У нас у всех есть маленькие смешные причуды.

Я бы не назвала отъявленного женоненавистника маленьким смешным чудиком. Но в конце концов сдалась: все-таки Рождество, а кому охота огорчать маму в праздник?

С тех пор я на своем не настаивала. По какой-то причине маме приятно видеть дядюшку Неда в радужном свете. Она не хочет с ним ссориться. Во многих отношениях она сильная женщина, но тут дает слабину.

И я знаю, почему. Потому что дядюшка Нед – член семьи. Он – живое напоминание о папе. А это для нее дороже всего остального.

– Как на личном фронте, Нед? – спрашивает она, с обычной своей непринужденностью меняя тему разговора. Дядюшка Нед недавно развелся, причем в третий раз. Ума не приложу, что женщины в нем находят, но жизнь вообще штука загадочная.

– Ох уж эти девчонки, Джоанна, – покачивает он головой. – Попадают иногда симпатичные, но надо же столько болтать! Хоть затычки в уши вставляй.

В который раз я задумываюсь, откуда у папы такой братец. Папа в чем-то бывал старомодным: считал, что роль мужчины – добытчик, не любил плохих слов. Но он уважал маму. Уважал женщин.

Однажды мама после нескольких рюмок сказала мне, что дядюшка Нед пошел в моего прадедушку, а у того был «тяжелый характер». Но в подробности она не вдавалась. А я прадедушку почти не помнила. И для меня дядюшка Нед – одна из неразрешимых семейных загадок, вроде невесты куда подевавшегося ключа от сарая.

– Ты найдешь кого-нибудь, – миролюбиво говорит мама. – А как рыбалка?

Нет! Только не это! Все, теперь дядюшку Неда несколько часов не остановить.

– Ну, – начинает дядюшка Нед. – Был я тут на днях на реке... А, Джейк! – Он отвлекается при виде племянника. – Как дела, мальчуган?

Слава богу. От шестичасовой байки про форель мы избавлены.

– Весьма неплохо, дядюшка Нед. – Джейк ослепительно улыбается. – Наклевывается несколько выгодных сделок. И на этой неделе я еду в Олимпию на Глобальную финансовую конференцию. Бывали там?

Конечно, не бывал. Дядюшка Нед служил в страховой компании администратором в уокингском отделении и не добрался даже до центрального офиса, что уж говорить о Глобальных конференциях! Но он в жизни этого не признает.

– Славные были деньки, – говорит он со смешком, словно катался туда каждый год. – Сделки, выпивка, все такое. Ты же сам знаешь, что на этих конференциях творится, да, Джейк?

– Аминь, – отзывается Джейк, поднимая бокал.

Ну и болтуны. Я-то знаю, что брат едет на эту конференцию только потому, что у кого-то из его приятелей оказалось лишнее приглашение.

– Чего только не бывало у нас на фирме, – говорит дядюшка Нед, выпуская клубы дыма. – Я бы такого мог рассказать...

Он взмахивает сигаретой и сшибает стоящий рядом бокал. Тот разлетается на осколки, и дядюшка раздраженно морщится:

– Пусть кто-нибудь из девчонок приберет.

«Кто-нибудь из девчонок»? Я вся подбираюсь, но тут мама берет Николь за руку.

– Дорогая, – произносит она. – Ты не поможешь?

– А как с администрированием? – обращается дядюшка Нед к Джейку. – Все хорошо?

– Превосходно, – категорично объявляет Джейк. – Столько возможностей открывается!

– Это тебе не пустой звук, – соглашается дядюшка Джейк.

Они разглагольствуют о квалификации и перспективах, но я уже не слушаю. Я смотрю, как Николь убирает осколки. Она безнадежна. Взяла метелку и бестолково машет во все стороны, глядя в мобильник. Она вообще видит, что делает? Разбрасывает стекло по всей комнате. Стекло! Кто-нибудь пораниться может!

Мои пальцы выбивают дробь. Ноги постукивают по полу: шаг вперед, наискось, назад, вперед наискось... Нет, не могу больше.

– Дай сюда. – Я выхватываю у нее из рук метелку. – Осколки нужно завернуть в бумагу.

Я хватаю пустую корзинку из-под хлеба и собираю осколки руками.

– Фикси, ты чудо, – рассеянно роняет Николь. – Ты всегда знаешь, как правильно.

Я хочу послать ее за газетой, но она уже набирает что-то в мобильнике. Придется самой. Я высматриваю осколки на полу с древесным узором и заворачиваю в старую радиопрограмму. И тут надо мной гремит голос Тима:

– Что, Райан вернулся?

Я и не заметила, как Тим вошел. Выпрямляюсь и бросаю:

– Привет!

Но Тим, кажется, не слышит. Смотрит на меня взглядом снайпера, темные волосы прилипли ко лбу. И спрашивает:

– Так вы снова вместе? Вы с Райаном?

Чертов Тим, осрамил меня перед всеми.

– Нет! – радостно верещу я. – То есть не то чтобы это совсем нереально, но...

– Значит, ты считаешь это возможным? – насаждает Тим.

– Нет, – сдавленно пишу я.

– Нет, считаешь, – заявляет Николь, оторвавшись от мобильного. – Ты об этом с мамой говорила.

Спасибо тебе большое, Николь. Свернуть бы этот разговор, но Тим не отстает.

– И долго вы были вместе?

– Всего-то ничего, – пытаюсь я отшутиться. – Дней десять. Всего ничего. В смысле, он же в Лос-Анджелесе живет, так что...

– Да, – медленно кивает Тим. – Именно в Лос-Анджелесе. Ты понимаешь, что там другие стандарты? Я про женщин и про то, что они с собой делают. Губы, грудь... И они не меняются с возрастом. Ты насколько стала старше после отъезда Райана? На год? По лос-анджелесским меркам это лет десять.

– Выходит, я старая карга? – спрашиваю я. Но тут не отшутиться: у Тима хватка, как у терьера. Вцепляется в глотку и держит, пока кровь не пойдет. Обычно в таких случаях тактично вмешивается Ханна, но сейчас ее не видно. Куда она провалилась?

Словно в ответ на мой вопрос раздается звонок в дверь, и из холла доносится голос Ханны:

– Я открою!

Пауза, и вот он, трубный глас:

– Ого, Райан! Добро пожаловать!

Все с любопытством разворачиваются ко мне. И я с ужасом соображаю, как выгляжу: торчу посреди комнаты с метлой в руках, даже блеск на губах подновить некогда, и... о господи, вот он!

Он на пороге. Его загар, выгоревшие на солнце волнистые волосы и поношенная футболка затмевают все вокруг. Он идет ко мне, и в комнате воцаряется тишина. А я и подавно дышать не могу. Только в голове отчаянно бьется: «Фикси, держи себя в руках! Не поддавайся надеждам...»

Боже, как он красив. Он блистателен.

– Привет, Фикси! – Он покровительственно улыбается, устремив на меня небесно-калифорнийский взгляд. – Я по тебе соскучился.

И среди повисшей тишины он сексуальным жестом вынимает заколку из моих волос, давая им рассыпаться по плечам.

«Не надо!» – хочу завопить я, но уже поздно. При виде наполовину завитой, наполовину прямой шевелюры у Райана глаза лезут на лоб – и в этом нет ничего удивительного. Я вижу в зеркале свое отражение – вид и правда странный.

Я краснею, а за спиной раздается смешок. Просто отпад. Целый год ждать Райана – и встретить его таким чучелом.

Но я и не успеваю ничего объяснить, когда Райан обхватывает ладонями мой подбородок. Несколько мгновений безмолвно смотрит на меня и крепко целует. Будто плевать ему на мою прическу, и никто, кроме меня, ему не нужен. Сквозь шум в ушах я слышу изумленное восклицание Николь и ворчание Тима:

– Вот черт!

Наконец мы отстраняемся друг от друга. Я чувствую, что все взгляды устремлены на нас, и собираю волю в кулак, чтобы беззаботно бросить:

– С приездом, Райан! Надолго на этот раз? На денек?

Мгновение Райан молча смотрит на меня, уголки рта подергиваются, словно на языке у него вертится какая-то шутка. А потом говорит:

– Вообще-то я вернулся.

– Вижу, – шутливо, в тон ему, отвечаю я.

– Да нет, я вообще вернулся. – Он обводит взглядом толпу гостей, следящих за происходящим. – С Лос-Анджелесом покончено. Я здесь навсегда.

Он – что?!

Я смотрю на него, и в висках стучит кровь. Я не въезжаю в его слова. Или не верю им. Навсегда? Он вернулся навсегда? Я отчаянно пытаюсь подыскать какой-нибудь остроумный ответ, но в горле все пересохло.

– Давай я тебе что-нибудь выпить принесу, – выдавливаю я, и в глазах Райана вспыхивают искорки: понял, в каком я смятении.

– Да, – говорит он и целует мне руку. – Принеси, пожалуйста.

Я плетусь к столу с напитками, так и не опомнившись. Я и не мечтала, что он вернется в Англию совсем. Даже в мыслях такого не держала.

И только когда я вытаскиваю из корзины со льдом бутылку пива, на меня наконец накатывает головокружительная радость. Чудес не бывает, я знаю. Но в этот волшебный день одно все-таки произошло!

Глава шестая

Вечеринка идет своим ходом, как это бывает из года в год. Знаю, надо было помочь маме с профитролями. И тарелки собрать. Но единственный раз в жизни я думаю: «Пусть этим займется Николь. Или Джейк. Или кто угодно». Потому что Райан хочет поговорить со мной, по сравнению с чем все прочее меркнет.

Мы уединяемся в маленькой комнате с окнами в сад. Сюда на время праздника стащили мебель из гостиной; мы кое-как примостились на полу между двумя диванами – ну и пусть. Мы целиком захвачены разговором. Райан уже с час изливает мне душу, а я слушаю, как завоороженная, потому что ничего подобного не ожидала.

Все, что я слышала от Райана о Лос-Анджелесе прежде, – это гламур. Волнение. Знаменитости. А теперь речь о реальном положении дел. Весьма плачевном. Он не похож на прежнего Райана, он разбит. Измотан. Сыт по горло.

И чем дольше я слушаю, тем больше убеждаюсь, что так и есть. Райан поставил точку. Не знаю, как его так быстро качнуло от «мой дружище Том Круз» до нынешнего состояния, но Лос-Анджелес он больше видеть не хочет.

– Они все там двуличные, – твердит он. – Каждый ублюдок.

Я не совсем въехала, что произошло, вроде там замешаны два человека по имени Аарон. Но суть в том, что Райан с двумя парнями пытался открыть свое дело, и те двое не выполнили обещанного, и теперь он на мели.

– Обдирают как липку, – вяло говорит он. – О работе хотят говорить только в японском ресторане или на яхте. Все только и думают, как бы тебя обставить. Безумие какое-то.

– Ты сказал «на мели», – осторожно говорю я. – Ты же не имел в виду...

– Я без гроша, Фикси, – разводит он руками. – Полный облом. Даже жить негде.

– Черт, – вырывается у меня.

Мне становится не по себе. Как может приключиться облом у Райана Чокера? Я помню, как они с Джейком, семнадцатилетние, разъезжали на кабриолете. У него же были деньги. Были. Как можно вдруг потерять все?

– И что ты теперь... Где...

– Я пока остановился у Джейка. Твой брат – просто супер. Но потом... – Он качает головой, и лучи вечернего солнца играют на белокурых волосах. – Тяжело это. Когда есть мечта и ты полностью выкладываешься, чтобы ее осуществить, и все срывается.

– Знаю, – с чувством произношу я. – Я хорошо понимаю, каково это.

Услышанное вызывает болезненный укол в сердце. Я помню стопку зеленых фартуков под кроватью. Помню захлестывающую горечь поражения.

– Я тоже это пережила, – произношу я, глядя на ковер. – Знаешь, я ведь пыталась запустить компанию по кейтерингу. Провернула уйму работы для супружеской пары, неких Смитсонов. У них было рекламное агентство, и они кормили моими обедами своих клиентов, а мне так и не заплатили. Я оказалась в долгах, и это было... – Так, спокойно. – Я закупила вырезку высшего качества, рассчиталась с персоналом, а они все сожрали и не заплатили ничего...

Как я ни стараюсь держаться, голос дрожит. Обычно я стараюсь не говорить о Смитсонах: больно вспоминать, как меня обдурили. И еще стыдно: зря я не послушалась мамы. Она разбирается в малом бизнесе, знает, какие бывают риски, и она меня предупреждала. Расспрашивала о выставлении счетов, о потоке наличности. А я так хотела, чтобы все получилось на высшем уровне, что приукрашивала положение дел.

Больше я такой ошибки не совершу. Ничего не приукрашу, не скрещу пальцы в надежде на лучшее, никогда не стану выстраивать бизнес на сладких речах, обещаниях и рукопожатиях. Если из этой истории и получилось что-то хорошее, так это опыт. Я стала осторожнее.

– Были и другие моменты, – продолжаю я. – Плохая финансовая ситуация. Я слишком высоко замахнулась. Прорваться на рынке оказалось труднее, чем я ожидала. И история со Смитсонами на пользу не пошла.

– Ты подавала в суд? – с интересом спрашивает Райан. – Может, из них хотя бы теперь удастся вытрясти деньги?

Я качаю головой.

– Они обанкротились.

Это был последний ядовитый козырь у них в рукаве. Проигнорировали счета, письма, даже мои визиты в их контору и объявили себя банкротами. Где-то в базе данных я числюсь среди их кредиторов. Но продолжать дело я уже не могла. Средства кончились, и нельзя было еще раз кинуться к маме. С «Едой Фарров» было покончено.

Тогда я и приняла решение направить все силы на семейный магазин. Потому что я люблю его, это наше наследство, и такое дело мне по плечу. Работа в магазине даже развивает кулинарные навыки, когда я советую посетителям какие-либо продукты.

А когда находит тоска по мечте о кейтеринге, я напоминаю себе: свой шанс я уже использовала.

– Те, кто сам через такое не прошел, не поймут, – говорю я. – Никто.

– Именно. – Райан пристально вглядывается мне в глаза. – Они не знают, каково это. Фикси, ты единственный человек, кто все понимает.

Сердце взмывает вверх: я единственный человек, который понимает Райана?! Главное – не поплыть.

– С девушкой мы расстались, – кратко добавляет он. – Люди раскрываются в таких ситуациях.

Он трет ладонями лицо, словно пытаюсь стереть воспоминания.

– Чего я только не делал. Пытался с ней объясниться. Но такие девушки... Это пустышки. Как личность ты их не интересуешь, они смотрят, что ты можешь им дать. Сколько на них потратишь. Как поможешь в карьере. Едва она поняла, что у меня проблемы... – Он щелкает пальцами. – Все кончилось.

– Стерва, – вырывается у меня, и Райан благодарно улыбается в ответ.

– И что теперь? – спрашиваю я. – Что ты собираешься делать?

– Понятия не имею. Но это будет что-то совсем другое, понимаешь? – с напором говорит Райан. – Без всяких дурацких дымовых эффектов и зеркал. Настоящие люди. Настоящая работа. Рукава засучить – и вперед.

– Ты со всем справишься, – говорю я. – А накопленный опыт – это... прекрасно!

Райан пожимает плечами.

– Скажем так, свои слабые места я знаю.

– Тогда остается только решить, чем ты займешься, – подбадриваю я его. – Найди новое направление. В смысле, иногда надо спуститься на несколько ступенек, чтобы потом взобраться по лестнице выше...

– Конечно, – криво улыбается Райан. – На пост генерального директора я не претендую. Некоторое время он смотрит вдаль, а потом тихо добавляет:

– Чему я научился, Фикси, так это не высовываться.

На меня вновь накатывает волна теплоты. Он такой же, как я. Получил от жизни удар – но не сломался. Дудки!

– Вот и хорошо, – прочувствованным тоном говорю я. – Это действительно смелый шаг – начать все заново. Я знаю, что ты переживаешь.

Я потягиваю вино, обдумывая возможные варианты для Райана, а сама потихоньку люблю его накачанными плечами. В прошлом году он выглядел хорошо, в этом – сногшиба-

тельно. Могучие мускулистые руки, гладкая кожа. Ходячая реклама здорового калифорнийского образа жизни.

– Так что дальше? – продолжаю я. – Могу я чем-нибудь помочь?

– Излил тебе душу – уже полегчало. – Райан поднимает на меня свои голубые глаза, и внутри что-то сжимается. – Теперь, наверное, надо обратиться в агентство по найму.

– В агентство? – Я ухватываюсь за эту мысль. – Конечно! Да тебя там с руками оторвут. У тебя же опыт работы с голливудскими компаниями. Ты для них находка!

– Фикси, – Райан снова вяло улыбается. – Ты умеешь подбодрить.

– Я действительно так думаю, – тихо говорю я.

Я уже надеюсь, что Райан сейчас наклонится и поцелует меня, но ничего подобного не происходит. Он встает и поворачивается к столику с наградами. Мы этой комнатой почти не пользуемся, и я привыкла, что на них никто не обращает внимания. Кроме мамы, конечно. Но теперь Райан с интересом разглядывает каждый кубок.

– Я и забыл про твое фигурное катание, – говорит он. – Наверное, ты и об этом мечтала? Что случилось?

– А, это... – Знакомый укол в сердце. – Так, пустяки. Забудь.

Я тоже встаю и нехотя слежу за его взглядом.

– Но посмотри, у тебя же получалось! Я так и не понял, почему ты бросила коньки.

Он берет фотографию в рамке. Я, тринадцатилетняя, в аквамариновом платье, делаю «ласточку» на льду.

– Да просто интерес пропал, – слабо улыбаюсь я и отворачиваюсь в сторону.

Фотография вызывает тяжелые воспоминания: это тот самый день, когда все изменилось. Я работала над программой месяцами, вся семья пришла, чтобы меня поддержать.

Если я закрою глаза, то снова перенесусь на каток, за многие годы ставший для меня вторым домом. Вспомню сухой морозный воздух. Шелковую отделку на платье. Мрачный Джейк вызывающе смотрел, как мама суетится вокруг меня с фотоаппаратом. Он злился: мама застучала его с бутылкой и перестала давать деньги на карманные расходы. А отыгрался он на мне. Я думала, он подошел, чтобы пожелать мне удачи. И меньше всего была готова к тому, что произошло на самом деле.

– Сколько часов? – прошипел Джейк мне на ухо. – Сколько долбанных часов мне пришлось тут торчать, глядя, как ты катаешься? Мама на этом помешалась, папа тоже тащится, ну а мы с Николь? Ты понимаешь, что нам жизнь сломала?

И ушел, прежде чем я опомнилась. Меня всю трясло.

Я могла бы обвинить Джейка в своем провале. Сказать, что он выбил меня из колеи, и в этом была бы доля истины. Я каталась, а у меня дрожали ноги. Я никогда, ни разу в жизни не предполагала, что в моем фигурном катании может быть что-то плохое. Я всегда считала, что Джейк и Николь гордятся мной. Мама так говорила!

Но теперь я смотрела на все глазами брата. Мамина заикленность. Деньги, потраченные на тренировки и костюмы. Все сосредоточено на мне. Это стало очевидным до боли. И я не смогла сконцентрироваться на своей задаче и упала. Скверно упала.

Потом все твердили мне: не переживай, на тренировках же получалось, значит, в следующий раз получится. Но в душе я в это не верила. Через три месяца я окончательно забросила фигурное катание, хотя Джеймс, мой тренер, и пытался меня отговорить.

Я не могу обвинять во всем одного Джейка. Дело было во мне. В моем характере. Лучшие фигуристы – прирожденные артисты. На публике они расцветают. Брат завидует? Их бы это только подстегнуло. Перед прыжком они подумали бы: да пошел ты! И сделали бы все еще лучше. А я после выпада Джейка, прыгая, думала: прости меня.

Беда в том, что чувство вины до добра не доводит. Оно тянет вниз. Под конец я с трудом отрывала ноги от льда.

– Ты еще катаешься? – спрашивает Райан, и я чувствую, как мое лицо сводит судорогой.

– Нет, – коротко отвечаю я, но спохватываюсь, что это прозвучало слишком резко. И добавляю: – Я пробовала снова после выпускного. Ни в каких соревнованиях не участвовала, получила квалификацию тренера и обучала новичков.

– Тебя, наверное, от катков тошнит, – смеется он.

– Точно, – соглашаюсь я, хоть это и неправда. Я все еще люблю катки. Хожу в «Сомерсет Хаус» каждый год, как только там заливают лед. С радостью смотрю, как бегают, кружатся, шлепаются люди на коньках. Но сама стою в стороне.

Я забираю у Райана фотографию и осматриваюсь в поисках чего-нибудь другого, но тут вваливается Джейк с пивом.

– Вот вы где! – восклицает он почти обвиняющим тоном.

– Ты маме помог? – спрашиваю я, но Джейк пропускает мои слова мимо ушей. Видит фотографию у меня в руках и закатывает глаза.

– Хвастаешься былой славой, Фикси? Видел бы ты, как она плюхнулась на задницу, – со смешком обращается он к Райану. – Классика. Жаль, я не заснял.

– Не верю. – Райан подмигивает мне. – Готов спорить, ты никогда не плюхалась на задницу.

Я молча ставлю фотографию обратно на комод. Я никогда не упоминала тот день при Джейке. И к тому разговору мы больше не возвращались. Он хоть знает, как меня приложил?

К черту! Жизнь продолжается.

– Пойдите! – Меня осеняет идея. – Райан, а ты ведь мог бы поработать немного у нас в магазине. Попробуешь себя в розничной торговле. Мы тебя всему научим! А потом переберешься во что-нибудь... посolidнее.

Выдаю это как обычное деловое предложение, а у самой сердце заходится от безумной надежды. Это же идеально! Буду видеть его каждый день, он почувствует себя членом семьи...

– На этот счет я не уверен. – Райан морщит загорелый нос. – Мне будет неловко на вас работать. Джейк, старик, это ты мне пива принес?

Я изображаю улыбку, лишь бы не выдать своего разочарования. Почему он решил, будто это неловко? Ничего подобного! Но настаивать бесполезно. Не хочет работать у нас в магазине – его дело.

– Так ты помог маме? – снова спрашиваю я Джейка. – Или, может, Николь помогла?

– Господи, Фикси, отвязись! – закатывает глаза Джейк. – Я маму даже не видел.

С появлением Джейка лопается волшебная защитная оболочка, в которой мы уединились. И внезапно на меня снова накатывает чувство вины. Это я увильнула от работы. Позабыла о празднике и вообще обо всем, кроме нас с Райаном.

– Пойду посмотрю, как там мама, – говорю я. – Вы же ее знаете. Наверняка она опять на кухне.

Благородство тут ни при чем. Мне нужно успокоиться, побыв рядом с мамой. Джейк выбивает меня из колеи, как будто для этого мало одного Райана. Срочно нужна инъекция маминого спокойного, любящего, ободряющего голоса. Пусть скажет что-нибудь такое, отчего я улыбнусь и посмотрю на все совсем другими глазами.

По дороге я заглядываю в гостиную. Все расселись: кто на стульях, кто на полу, болтают, курят и жуют. Но мамы тут, конечно, нету. Я так и знала.

– Мам? – зову я, направляясь по коридору в глубь дома. – Мам, ты здесь?

Я замечаю знакомую голубую ткань через приоткрытую кухонную дверь, но почему-то она не там, где надо. Я ускоряю шаг, хмурюсь, пытаюсь осмыслить увиденное. Что-то не так, но я не пойму...

– Мам?..

Я широко распахиваю дверь, и сердце замирает от ужаса.

Мама неподвижно лежит на столе. Рука сжимает кондитерский мешочек, волосы закрывают лицо.

– Мама... – сдавленно окликаю я. – Мам!

Я осторожно касаюсь ее плеча, но она не отвечает, и тогда все у меня внутри сводит от ужаса.

– Мам! Помогите! – ору я в дверь, а сама хлопаю маму по щекам, пытаюсь понять, дышит она или нет. Не нахожу пульса, но где он должен быть, этот пульс? Надо было ходить на курсы первой помощи...

– Мама, проснись, пожалуйста! Помогите! Кто-нибудь, ПОМОГИТЕ! – снова хрипло ору я, и по лицу бегут слезы. – На помощь!

По коридору грохочут шаги. Трясущимися пальцами хватаю телефон, все происходящее кажется нереальным. В жизни не набирала 999, и еще гадала, каково это. Теперь знаю. Это самое страшное в мире.

Глава седьмая

Трудно разобраться в происходящем, когда все случается одновременно. Можно крышей поехать, когда пытаешься действовать, но в голове ничего не укладывается.

Сначала на голову сваливается Райан – одного этого вполне достаточно. Потом мама падает в обморок, и мне кажется, что весь мир вокруг рухнул. Наконец приезжает неотложка, и когда выясняется, что все в порядке, наступает шок облегчения.

Хотя на самом деле, конечно, она не в порядке. И как выяснилось, уже давно.

Мама никогда не говорила нам о болях в груди – до чего это на нее похоже! Я чуть не взвыла, когда это выяснилось. Все это время она жила с больным сердцем – и словом не обмолвилась! Врач объяснил, что большинство проблем из-за курения. Она сама не прочь подымить, и папа уделял в день полторы пачки. И еще, конечно, четырнадцатичасовой рабочий день в магазине. До сих пор. В ее годы.

«Нужны перемены», – твердил нам каждый медик в те несколько дней, которые мама провела в больнице. «Меняйте образ жизни». А когда мама отвечала, что не собирается бросать свою работу, потому что ее любит, тупо долдонили свое: «надо изменить образ жизни». Только теперь уже смотрели на нас с Николь. Обязанность переделать маму возложили на нас. На Джейку тоже, но он появлялся редко. Деловые встречи, понимаете ли.

После праздника прошло две недели. Если бы все упиралось только в нас с Николь, то, как бы мы ни старались, мало что сдвинулось бы с места. Но теперь перемены неизбежны. Новость обрушилась на нас, как джаггернаут: приезжает мамина сестра.

Мы даже не знали тетюшку Карен. Хоть она нам и родня, но последние двадцать семь лет жила в Испании. В Англию она и носа не казала: слишком холодно. Электронной почтой не пользуется: шею ломит. На свадьбу Николь не приехала, потому что у нее процедуры. И вот она явилась. Тут не только мама, но и весь дом изменился.

Она ворвалась загорелым смерчем, громяхая розовым чемоданом на колесиках; вы свет-ленные волосы собраны во встопорщенный хвост.

– Я здесь! – завопила она, завидев маму на диване. – Не бойся! Я со всем справлюсь! А теперь главное – цветы инвалидке.

Слегка ошарашенные, мы смотрели, как она жестом фокусника выдергивает из сумки букет искусственных красных цветов.

– Терпеть не могу живые цветы, – объявила она. – Только деньги выбрасывать. Поставь эти в вазу, они не хуже, и можно потом использовать.

Она ткнула мне в руки пластиковый букет, развернулась к маме и покачала головой.

– Ох, Джоанна. Что за хрень? Ты только посмотри на себя. На морщины эти посмотри. Знаю, у меня самой морщины. – Она указала на свою загорелую физиономию. – Но мои-то от смеха. А ты себя раньше срока в могилу вгоняешь! Это надо прекращать. Если не умеешь развлекаться, зачем вообще жить? Словом, я тебя забираю.

Сначала я не поняла, куда тетя Карен собирается ее забрать. Потом дошло: речь об Испании. Я было обрадовалась: у мамы будет отдых! Но тут же подумала: у мамы – отдых? Ни за что. Она не поедет.

Но я недооценила тетю Карен. Она имела таинственную власть над мамой. Убеждала ее делать то, на что никто другой уговорить не сумел. Заявила маме, что та не просто должна, а прямо-таки обязана пользоваться гелем для ногтей – и мама покорно позволила сделать ей маникюр. А Лейла ей это сколько раз предлагала, и все без толку?

А теперь она уломала маму поехать с ней в Испанию. Маму, которая со дня свадьбы в самолет не влезала. Врачи дали добро (я на всякий случай специально звонила, советовалась). Мама купила новый купальник, шляпу и билет в одну сторону. Надолго ли она едет, еще не

решили, но минимум на полтора месяца. На этом настояла тетя Карен. Она заявила, что короткий отдых – стресс, так не расслабишься. И еще предложила съездить в Париж, а то после такого перерыва она свою сестру едва узнала.

Это круто. Даже грандиозно. Мама заслужила отдых. Она посмотрит мир и снова сблизится с сестрой. Когда мама сказала, что уедет по меньшей мере на полтора месяца, я обняла ее и воскликнула:

– Mam, это прекрасно! Это так волнующе!

– Это очень надолго, – ответила она с нервным смешком.

Но я тотчас замотала головой:

– Тебе это нужно. А время пролетит быстро!

Сегодня мы собрались, чтобы обсудить, как станем управлять магазином. Джейк и Николь пообещали уделять ему больше времени (выяснилось, что йога у Николь отнюдь не круглосуточная, как иногда представлялось). Мы добавили рабочих часов Стейси и переставили смены так, чтобы магазин не пустовал. И все-таки без мамы как-то странно.

Мы расчистили стол с изогнутыми ножками, которым обычно пользуемся только на Рождество, и теперь сидим с кофе за ним: я, Николь, Джейк и мама, от вида которой перехватывает дыхание. Ее кожа теперь непривычного бисквитного цвета, а в ушах сверкают голубые серьги. Это тетя Карен уговорила ее на искусственный загар, а серьги появились сегодня утром – «безделушка в подарок».

Кресло с массивными деревянными подлокотниками во главе стола пустует. Даже спустя столько лет оно остается папиным. На него не то что никто не садится – его с места не сдвигают. Это знак уважения к отцу, хоть его давно уже нет с нами.

– А вот что у нас есть!

Тетя Карен бухает на стол миску с розовым зефиром, и глаза у нас лезут на лоб.

– Вы и не знали, что вам это нужно! – с победным видом восклицает она, плюхается на стул и закидывает зефирину в рот, а мы все еще оторопело смотрим на миску.

Тетя Карен произносит эти слова каждый раз, когда притаскивает в дом что-то новое – то есть каждый день. От искусственных цветов и мисок со сладостями до освежителей воздуха, вещей, которые абсолютно нам не подходят. И каждый раз кричит: «Вы ведь не знали, что это нужно, да?!» Но она такая яркая, бурная и авторитетная, что никто с ней не спорит.

Джейк неодобрительно разглядывает зефир, слегка отодвигает миску и поворачивается к маме.

– Итак, – говорит он. – Мама. Ты уезжаешь в Испанию.

– Ола! – радостно восклицает Николь. – Пор фавор, сеньор.

– Пор фаворе, – поправляет Джейк.

– Да нет же! – закатывает глаза Николь. – Пор фавор!

– Пор фавор, – подтверждает тетя Карен. И добавляет, обращаясь к маме: – Только не забивай себе голову этой ерундой. Мигель, тот, который живет дальше по берегу, только прикидывается, словно ничего, кроме испанского, не понимает. Чепуха. Говори по-английски, только громко и четко.

– Правда? – Мама ошеломлена. – Но если он испанец...

– Он прекрасно говорит по-английски, когда хочет, – насмешливо отмахивается тетя Карен. – Слышала я его в караоке-баре. Песни Адель поет, «Пет Шоп Бойз», еще что-то...

– Это интересно, конечно, – с натянутой улыбкой говорит Джейк, – но, может, вернемся к теме?

– Да. Конечно. Потому что я должна сделать одно объявление. Точнее, это просьба. Скорее... – Мама бросает взгляд в сторону тети Карен. Та, кажется, в курсе, о чем речь. Что такое? Мама сначала поговорила с сестрой, а не с нами?

Но мне тут же становится не до того. Потому что мама обводит нас взглядом и говорит:

– У меня есть покупатель на наш магазин.

Что?

Воцаряется потрясенная тишина. Брови Джейка ползут вверх.

– Ничего себе, – бормочет Николь.

А я просто в ступоре.

Покупатель? На «Фаррз»? Как можно купить «Фаррз»? Это же мы.

– Мы не хотим его продавать! – не сдержавшись, кричу я. – Не хотим же?

– В этом и вопрос, – говорит мама. – Я уже не так молода, и... многое изменилось.

– Вашей маме нужен отдых, – вставляет тетя Карен. – И это хорошие деньги.

– Сколько? – спрашивает Джейк, и мама кладет листок бумаги на середину стола.

Я никогда не задумывалась, сколько может стоять магазин. Но это много. Мы молча смотрим на листок и прикидываем возможные перемены в своей жизни.

– Ваша мама сможет уйти на пенсию. Встать на ноги. Купить в Испании домик со мной по соседству, – говорит тетя Карен.

– Но это как-то странно. Почему предложение поступило именно сейчас? – Меня охватывает тревога. – А вдруг кто-то отслеживает вызовы неотложки?

– Нет! – смеется мама. – Дорогая, на самом деле предложения поступают постоянно, все эти годы. Я отказывалась. Но сейчас, после того что случилось...

Я снова перевожу взгляд на листок бумаги и мысленно произвожу подсчеты. Да, это прорва денег, но еще это конец «Фаррз», нашим доходам, нашей работе... И тогда сумма кажется уже не такой большой.

– А ты хочешь его продать? – спрашиваю я у мамы. Из всех сил стараюсь говорить нейтрально. Практично. Благожелательно. По-взрослому, словом. Только глаза щиплет, потому что ударило по мне очень крепко.

Продать? Наш любимый «Фаррз»? Папин «Фаррз»?

Я поднимаю голову, и при виде моего лица мама не выдерживает.

– Ох, Фикси! – Она тянется через стол и сжимает мою руку. – Конечно, не хочу. Но и перегружать вас ни к чему. Что будет, если я отойду от дел? Руководить «Фаррз» трудно. Это полная занятость. Пусть будет так, как хотите именно вы, а не я. Или папа.

Теперь и она моргает, а на щеках выступает румянец. Кажется, мы с мамой – единственные в семье, кто ощущает папино присутствие каждый раз, когда переступает порог магазина. Джейку подавай только деньги. А Николь... Понятия не имею, что в голове у Николь. Единороги, наверное.

– Я готова этим заниматься, – без колебаний объявляю я. – Я не хочу сдаваться. Мама, езжай в Испанию и ни о чем не тревожься. Дела мы берем на себя. Так ведь?

Я смотрю на Николь и Джейка в надежде на их поддержку.

– Согласен, – к моему изумлению, говорит Джейк. – Я считаю, у «Фаррз» отличный потенциал.

Он подталкивает листок бумаги.

– Неплохо, конечно, но эту сумму можно удвоить. А то и утроить.

– Что скажешь, Николь? – спрашивает мама, и Николь пожимает плечами.

– Если ты хочешь продать «Фаррз», то, по-моему... ну, неплохо так, – роняет она в своей обычной рассеянной манере. – А если не хочешь – тогда тоже...

Мы терпеливо ждем, когда она закончит, и наконец догадываемся, что все уже сказано.

– Ну что же, – произносит мама и краснеет еще сильнее. – Должна сказать, что у меня камень рухнул с плеч. Я не хочу продавать «Фаррз». Это хороший магазин, хоть и нескромно так говорить.

– И все-таки это синица в руке, – замечает тетя Карен, взяв листок и просматривая его. – Это хорошая сумма. Надежно. Если сейчас не продашь, потом можешь пожалеть.

– Мама пожалеет, если сейчас продаст, – возражает Джейк. Он оглядывает нас с оживленным видом. – Знаете, что я думаю? Это отличный шанс поднять наш маленький семейный бизнес на новый уровень. Раздуть как следует. У нас есть бренд, есть площадь, свои страницы в Интернете. Выше только небо. Но надо мыслить широко.

Он ударяет кулаком по ладони.

– Обновиться. Собраться. Может, консультанта нанять. Я кое-кого знаю, приведу ребят – посмотрим, что они посоветуют. Организовать?

Я сижу, открыв рот. Мы уже до вызова консультанта дошли? И во сколько это обойдется? И что значит «раздуть»?

– Не беспокойся об этом, Джейк, – говорит мама со свойственным ей спокойствием. – Просто поддерживайте все как есть, пока меня не будет, а когда я вернусь, посмотрим, что можно сделать. А теперь о наших акциях...

Она говорит о наших поставщиках, но я не могу сосредоточиться. Внезапно меня охватывает волнение. Как будто до меня только что все доходит в полной мере. Мама уедет. Я буду управлять магазином вместе с Джейком и Николь. И что из этого получится?

Я слушаю вполуха, а мама раздает нам наминалки, которые написала от руки и отсканировала. Меня больше всего беспокоит Джейк. А вдруг он затеет какую-нибудь глупость, а я не сумею его удержать? Мама смотрит на меня так, словно читает мои мысли, и я поспешно улыбаюсь в ответ. Главное, чтобы она не переживала.

Наконец мы заканчиваем и встаем из-за стола, и мама тут же отводит меня в сторону. Остальные уходят на кухню, и мы оказываемся вдвоем.

– Фикси, – мягко произносит она. – Дорогая моя, я знаю, что ты тревожишься... – Мгновение она колеблется. – Ладно, давай начистоту. Из-за Джейка.

Ее слова задевают болевую точку, запрятанную далеко внутри.

– Знаешь... – Я отвожу глаза: не хочу признавать очевидного. – Он немного...

– Знаю. И понимаю. – Мама подбадривающе сжимает мою руку. – Я не собираюсь бросать тебя в подвешенном состоянии. Я кое-что придумала на время своего отъезда и думаю, что это поможет.

– Ого! – У меня камень сваливается с плеч. – И что это?

Зная маму, следовало догадаться: у нее что-то припасено в рукаве. Может, будем каждый день выходить с ней на связь по скайпу? Или она наймет кого-нибудь крутого? Или установит в компьютере программу, которую Джейк не сможет обойти?

– Дядюшка Нед, – сияя, сообщает мама.

У меня душа проваливается в пятки. Дядюшка Нед? Это и есть ее план?

– Конечно, – сдавленным голосом говорю я, и мама решает, что горло у меня перехватило от счастья.

– Я с ним поговорила, он обещает присматривать за всем, пока меня не будет, – радостно вещает мама. – У него отличная деловая хватка. Ему можно доверять.

У меня нет слов. Дядюшка Нед?!

– Он к нам так добр, – с нежностью говорит мама. – Это надежная помощь.

Да никогда он ко мне не был добр! И помощи от него никакой!

– Это интересная мысль. – Надо говорить сдержанно и рассудительно. – Определенно. Просто я думаю, точно ли нужен именно дядюшка Нед.

– Ты же знаешь, как он выручил с арендой, когда умер папа, – напоминает мама. – Мне будет спокойнее с его поддержкой.

Хоть волком вой. Ладно, с арендой он действительно помог, но это было девять лет назад. А с тех пор он что сделал?

– Знаю, ты не одобряешь его старомодных высказываний. – Мама слегка краснеет. – Я тоже не в восторге, если на то пошло. Но он член семьи, дорогая, и он переживает за «Фаррз». Вот что важно.

В ее глазах разгорается блеск, как всегда, когда речь идет о семье. Она уже все решила. А я ничего не могу возразить, чтобы ее не огорчить. И я улыбаюсь самой беззаботной своей улыбкой:

– Что же, я думаю, все получится. Самое главное, чтобы ты как следует отдохнула. Ты уже потрясающе выглядишь.

Я дотрагиваюсь до сверкающих голубых сережек, которые так нелепо смотрятся с ее сидящими волосами (тетя Карен уже записала маму к парикмахеру в Испании).

– Так тяжело вас бросать! – У мамы вырывается короткий смешок, и я вижу, как она волнуется. – Труднее, чем я думала. До сих пор не пойму, так ли я хочу этого?

Ну нет! Ей нельзя идти на попятный.

– Да, – твердо говорю я. – Ты этого хочешь. И мы справимся.

– Просто не потеряй наш магазин, Фикси. И не дай семье распасться.

Снова такой же неестественный смех.

Я вижу, что на самом деле маме не до веселья и нас гнетет одна и та же тревога.

– Ты – связующее звено, – говорит она. – Ты в силах все удержать.

Что? Даже слушать такое смешно. Связующее звено – это мама. Она нас ведет за собой. Она нас объединяет. Без нее мы просто птенцы-потеряшки.

Но и на долю секунды я не выдаю своих чувств. Надо поддержать маму, не то она никуда не уедет и останется пахать в магазине по шестнадцать часов подряд.

– Мам, послушай, – говорю я как можно уверенней. – Когда ты вернешься, мы отпразднуем твой приезд за этим же самым столом. Магазин будет в полном порядке. И мы останемся счастливой семьей. Обещаю.

Глава восьмая

Мама с тетей Карен уезжают на следующий день, и мы все разобраны на части. Джейк с Лейлой уходят в паб, а я задумываю на ужин спагетти болоньезе – мама приготовила бы именно их. Но нужного эффекта не получается. Не дано мне создавать в доме ту волшебную атмосферу, которая бывает при маме. Я не чувствую ни тепла, ни уюта, ни покоя.

Если честно, я выбита из колеи не только маминым отъездом. Дело в том, что после праздника от Райана ни слуху ни духу. Не зашел, не позвонил, даже не прислал эсэмэс, что расстроен из-за мамы.

На следующий день после праздника он отправился в Соннинг к своим родным и с тех пор словно в черную дыру провалился. Ни на одно из моих сообщений не ответил. Пару раз Джейк передавал от него привет – вот и все общение. Я особо не заморачивалась. На первом месте все-таки была мама. Но теперь я все время думаю, что случилось.

Я уныло смотрю на кастрюлю, помешиваю – и выключаю огонь. Лучше за мороженым сбегаю. Беспроектный вариант, чтобы поднять настроение.

По Хай-стрит впереди меня бодрой уверенной походкой вышагивает парень со взъерошенными волосами. Да это же тот самый, из кофейни! Чуть, быть такого не может.

И все-таки странно, что я подумала именно о нем. Еще удивительнее, что я при этом покраснела. С какой стати? Я же о нем даже не вспоминала все это время.

Или вспоминала всего пару раз. Его глаза. Что-то в них было такое. Я представляла их себе: зелено-карие, с крапинками, как листва.

Парень останавливается, чтобы ответить на звонок, и я мельком вижу лицо. Он! Себастьян... как его там. Он поднимает глаза, видит меня – и его лицо расплывается в приветливой улыбке.

– Здравствуйте! – восклицает он.

– Привет! – Я останавливаюсь. – Как вы?

Заглядываю в его лесные глаза – и тотчас отвожу взгляд, чтобы не засмотреться.

– Хорошо. Такси жду. – Он показывает телефон с объявлением от фирмы.

– Снова в Эктоне, – улыбаюсь я. – Или вы местный?

– Нет, я здесь... – он колеблется, – по делам.

– Понятно, – вежливо соглашаюсь я. Вообще меня это не касается, и на этом разговор можно было бы закончить. Но Себастьян оживает, поднимает бровь – кажется, хочет поболтать.

– Так получилось, что я искал гуру по лыжному спорту, – говорит он, с иронией подчеркивая слово «гуру». – Знаете здесь, в Эктоне, такого?

– Нет, – улыбаюсь я. – Даже не знала о его существовании.

Хочу добавить, что никогда в жизни не каталась на лыжах, но Себастьян несет дальше.

– Я тоже не знал, но моя девушка подарила мне два ваучера на день рождения и настояла, чтобы я к этому гуру съездил. Второй раз к нему мотаюсь.

– Понятно. И как?

– Полная чушь! – пылко восклицает Себастьян. – Я даже возмущен, каким бредом это оказалось! Я в шоке!

Его негодование выглядит настолько комично, что я не могу удержаться от смеха. Хотя понимаю, что он искренне расстроен.

– И в чем заключался этот бред? – любопытствую я.

– Все, что он делал на первом занятии, – это расписывал, как взял бронзу в Ванкувере. Сегодня – как чуть-чуть не схватил бронзу в Сочи. Да я бы это в «Википедии» за пять минут нашел, будь оно мне нужно.

Я хохочу.

– А упражнения?

– Он открыл мне великую истину о здоровых легких и предложил ходить к нему дважды в неделю следующие полгода.

– Форменное надувательство! – с чувством говорю я.

– Именно! – восклицает Себастьян. – Я рад, что вы согласны! Простите, мне нужно было выговориться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.